

100 великих романов

Энтони ТРОЛЛОП

МАЛЫЙ ДОМ
В ОЛЛИНГТОНЕ

Том 1

Энтони Троллоп
Малый дом в
Оллингтоне. Том 1
Серия «100 великих романов»
Серия «Барсетширские
хроники», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66438308

Малый дом в Оллингтоне, Т. 1: Издательство «Вече»; Москва; 2021

ISBN 978-5-4484-8730-9

Аннотация

Сельская Англия середины XIX века. В оллингтонском поместье живут две сестры, которые не прочь выйти замуж, но красота и добрый характер – единственное их приданое. Обе, несмотря на юный возраст, проявляют большую мудрость, искренне полагая, что не в деньгах счастье и что ни под каким видом не следует соглашаться на брак по расчету. Однако стремление к бескорыстной любви не спасает от ошибок. Одна из сестер увлечена столичным франтом, который мыслит слишком приземленно, чтобы оценить ее бескорыстие, а другая в поисках любви настолько слепа, что рискует не заметить достойного поклонника, который находится совсем рядом...

Так в романе «Малый дом в Оллингтоне» классик английской литературы Энтони Треллоп (1815–1882) раскрывает тему невест-бесприданниц, которую ранее затронули Джейн Остин и Шарлотта Бронте.

В основе данного издания – анонимный перевод романа, предположительно выполненный В.В. Бутузовым и опубликованный в 1860-х годах в журнале «Современникъ». Для облегчения восприятия в тексте заменен целый ряд устаревших слов и выражений. Перевод сверен с оригинальным английским текстом и в ряде случаев исправлен ради большей точности. В первый том вошли главы I–XXX.

Содержание

Энтони Троллоп	5
Глава I. Оллингтонский сквайр	6
Глава II. Две оллингтонские жемчужины	21
Глава III. Вдова Дейл	42
Глава IV. Квартиры и квартиранты мистрис Ропер	61
Глава V. О Лилиане Дейл	80
Глава VI. Прелестные дни	94
Глава VII. Начало забот и затруднений	115
Глава VIII. Этого быть не может	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Энтони Троллоп

Малый дом в Оллингтоне. Т. 1

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

*** * ***

Глава I. Оллингтонский сквайр

Разумеется, в Оллингтоне был и Большой дом. Иначе каким образом мог существовать там Малый дом? Наш рассказ, как и следует из заглавия, прежде всего относится к лицам, которые жили в менее привилегированном из двух домов, но, впрочем, он будет иметь тесную связь и с жившими в более величавом здании, а потому необходимо сказать здесь, в самом начале, несколько слов о Большом доме и его владельце.

Оллингтонские сквайры были сквайрами Оллингтона с тех пор, как подобные титулы сделались впервые известными в Англии. В фамилии Дейл жезл сквайра переходил от отца к сыну, от дяди к племяннику и в одном случае от троюродного брата к троюродному брату, но акры земли оставались неприкосновенными, увеличиваясь в ценности и не уменьшаясь в числе, несмотря на то что они не охранялись принципом майоратного наследования¹ и не оберегались чьим-то особенным благоразумием и мудростью. Поместье Дейла оллингтонского соседствовало с оллингтонским приходом в течение нескольких столетий, и хотя, как я уже сказал, этот род сквайров вовсе не обладал особенным благо-

¹ Система наследования, при которой недвижимое имущество – земельное владение – полностью переходит к старшему сыну или к старшему в роду, то есть дробление земли не допускается.

разумием и, быть может, на жизненных путях руководство-вался не слишком четкими принципами, но все же он так крепко держался священного закона, что ни один акр имени не был выпущен из рук очередного сквайра. Напротив – иногда делались попытки, хотя и бесплодные, увеличить территорию, как это было при Ките Дейле, отце Кристофера Дейла, который среди действующих лиц нашей драмы является владельческим сквайром Оллингтона. Старик Кит Дейл, женившись на деньгах, скупал отдаленные фермы – клочок земли в одном месте, клочок в другом, – много говоря при этих случаях о политическом влиянии партии добрых старых тори. Но эти фермы и эти клочки земли снова перешли в другие руки, не дождавшись нашего времени. Ничем особенным они не были привязаны к тому или другому владельцу. Когда старик Кит оказался вынужденным уступить натиску славного 19-го драгунского полка, в котором его второй сын делал себе карьеру, сопряженную с большими расходами, то увидел, что гораздо легче продавать, чем покупать. Однако же, делая это, он был убежден, что продавал свою собственность, а отнюдь не наследственное достояние Дейлов. С его кончиной исчез и последний остаток тех покупок. Семейные дела требовали сбережений, а Кристофер Дейл требовал наличных денег. Скупленные фермы исчезли, как исчезали и прежде подобного рода новые покупки, старинное же наследственное достояние оставалось неприкосновенным.

Сохранение этого достояния стало у Дейлов чем-то сродни религии, и, видя, что служение непременно продолжалось, а огонь родного очага, вроде огня весталок², никогда не потухал, я не имею оснований говорить, будто Дейлы проживали свою земную жизнь, лишённые высоких принципов. Этих верований крепко держались все Дейлы, и новый наследник, вступив во владение, не нес на себе излишнего бремени – кроме того, которое уже тяготило его еще до принятия наследства. И все-таки о передаче имущества в чужие руки не было и речи. Идея подобной передачи не согласовывалась с особенными воззрениями Дейлов на вещи. Один из постулатов религии Дейлов заключался в том, что хотя каждый сквайр имел полное право промотать акры Оллингтона, но следовало всячески воздерживаться от подобного мотовства. Я помню, как обедал в одном доме, слава и счастье которого, по преданию, зависели от целостности одного заветного бокала. Все мы знали об этом предании. Если удача Эденхолла разобьётся вдребезги, судьба целого семейства будет предрешена. Но, вопреки здравому смыслу, меня, как и прочих гостей, все-таки заставляли пить из этого рокового кубка. Рыцарский дух хозяина дома не допускал, чтобы судьба рода была вверена не гостю, а сундуку с мягкой обивкой, запёртому на ключ. То же самое было и с оллингтонскими Дейлами. В их понятиях, бережная передача имущества по наследству

² Жрицы древнеримской богини Весты, главной обязанностью которых было поддержание неугасимого огня на алтаре храма богини.

являлась и мягким сундуком, и ключом, и замком, хотя старинные рыцарские понятия их дома претили им прибегать к защите подобного рода.

Я рассказал весьма поверхностно о славе и подвигах этой фамилии, впрочем, слава их не была блистательна, а подвиги не были замечательны. В Оллингтоне Дейл постоянно слыл за властелина. В Гествике, соседнем ярмарочном городке, он был великим человеком – человеком, которого видели по субботам на торговой площади устанавливающим цены на привозный хлеб и пригонный скот, несмотря на то что были люди, лучше его знающие цену и хлеба, и скота. В Хамершаме, тоже соседнем городке, куда регулярно собирались выездные суды, оллингтонский Дейл пользовался вообще некоторой репутацией, как постоянный член жюри присяжных в графстве и как человек, который заслуженно занимал свое место. Но даже в Хамершаме слава Дейлов блекла по временам, потому что их личности не всегда оказывались широко известными в пределах графства и потому еще, что своим знанием юриспруденции они не заслужили себе серьезной репутации в большом зале судебных собраний. За пределы Хамершама слава их не распространялась.

Это были люди, выделанные по одному и тому же образцу, каждый из них наследовал от отца те же добродетели и пороки, – люди, которые жили точно так же, как их отцы, и никто из них не был увлекаем невидимым магнетизмом с того жизненного пути, по которому влачили предшество-

вавшие Дейлы. Магнетизм этот не в силах был приподнять кого-нибудь из Дейлов до одного уровня с веком, в котором они жили, и только тянул их вперед туда же, куда плелись нога за ногу предки. Это были люди упрямые, слишком много веровавшие в себя, надеявшиеся на себя, и согласно своим представлениям о законности суровые к арендаторам, но не считавшиеся суровыми даже со стороны самих арендаторов, потому что правила, которым следовали оллингтонские сквайры, не изменялись с самого начала. Также эти люди являлись деспотами в отношении к своим женам и детям, но деспотами в известных границах, так что ни одна еще мистрис Дейл не бежала из-под крова своего властелина и ни разу между отцами и сыновьями не было громкого скандала. Наконец, это были люди, точные в понятиях о денежных делах, вполне убежденные, что они должны получать весьма много, а отдавать весьма мало, хотя в то же время и не считались скрягами, потому что были сострадательны к бедам ближнего – делали пожертвования в приходской церкви и пополняли фонды местных благотворительных учреждений. Они были ревностными поборниками церкви и благосклонно принимали в свой приход новых священников, которых время от времени присылал Кембриджский университет, поскольку это учреждение пользовалось правом делать назначение по своему усмотрению, но вопреки этому Дейлы питали какую-то невыразимую вражду к своему священнику, так что отношения между этими двумя семействами, светским

и духовным, редко бывали приятными.

Таковы были оллингтонские Дейлы со времен незапамятных, таков был бы и Кристофер Дейл нашего времени, если бы в молодости не приключилось с ним двух несчастий. Он влюбился в одну леди, которая решительно отказала ему в руке, и вследствие этого он на всю жизнь остался холостым. Второе выпавшее на его долю несчастье относилось до предполагаемого богатства его родителя. При вступлении в наследственные права он вообразил себя богаче всех оллингтонских Дейлов и, держась этой идеи, питал надежду засесть в парламенте в качестве представителя своего графства. С целью достичь такой почести, он позволил жителям Хамершама и Гествика осуждать политику своей старой фамилии и объявил себя либералом. Он никогда не записывался в избирательный список и никогда не претендовал на место в парламенте, зато всячески старался показать себя приверженцем либеральной партии, но и эта уловка ему не удалась: все окружавшие знали очень хорошо, что душой Кристофер Дейл такой же закоренелый консерватор, как и всякий из его предков. Это обстоятельство делало его кислым и молчаливым там, где дело касалось политики, и некоторым образом отчуждало его от собратьев, других сквайров.

В остальном Кристофер Дейл вообще стоял выше среднего уровня всех членов своей фамилии. Полюбив кого-нибудь однажды, он любил искренно и горячо. С врагами хотя и обращался дурно, но не выходил из законов приличия. Он был

аккуратен и скуп в небольших денежных расчетах, а в некоторых семейных делах, как мы увидим впоследствии, в нем проявлялась необыкновенная щедрость. Он старался исполнять свой долг сообразно собственным взглядам на вещи и успел отучить себя от различных наклонностей и прихотей, с которыми свыкся в ранние дни своих больших, но несбывшихся ожиданий. В своей безответной любви он был вполне искренен и благороден. Кристофер Дейл полюбил женщину, и, когда узнал, что эта женщина не сочувствует его суровой, сухой, безотрадной любви, он не в состоянии был привязаться душой к другому существу. Это случилось как раз тогда, когда умер отец Кристофера Дейла, и сын старался забыть горе в вихре политических стремлений, конец которого мы уже видели. Постоянным, прямым и искренним человеком был наш Кристофер Дейл, мелочным и ограниченным в душевных качествах, совсем не способным оценить прекрасные качества достойного человека, вовсе не одаренным силой познания всего, что было выше его, но притом вполне достойным уважения за стезю исполнения долга, которой он старался следовать. Наконец, кроме всего сказанного, мистер Кристофер Дейл был джентльмен.

Таков был оллингтонский сквайр, единственный постоянный обитатель Большого дома. По наружности это был обыкновенный, худощавый мужчина, с коротко остриженными волосами и густыми седыми бровями. Бороды у него не было, он носил, впрочем, небольшие бакенбарды, узенькой по-

лоской спускавшиеся от мочек ушей. Его глаза были остры и выразительны, нос – прямой и хорошо сформированный, таков же был и его подбородок. Но впечатление от благородных черт его лица частично обесценивалось обыкновенным ртом с тонкими губами, а его высокий и узкий лоб хоть и мог бы заставить вас принять мистера Дейла за дурака, но в то же время не лишал вас возможности составить о нем мнение как о человеке с большими дарованиями или разносторонними способностями. Ростом он был около пяти футов десяти дюймов, и в период нашего рассказа ему можно было дать и около шестидесяти, и около восьмидесяти лет. Впрочем, время обходилось с ним весьма благосклонно, в нем проявлялось весьма мало признаков старости. Таким был по наружности Кристофер Дейл, эсквайр – оллингтонский сквайр, – полный господин трех тысяч фунтов стерлингов годового дохода, получаемых исключительно с его поместья.

Теперь я поговорю о Большом оллингтонском доме. В действительности дом этот был не очень велик, вокруг него не было великолепного парка, который придает особенную грандиозность обиталищам наших зажиточнейших землевладельцев. Впрочем, надо сказать, что дом сам по себе имел некоторую прелесть. Он был построен в дни Стюартов, в том архитектурном стиле, которому мы даем название стиля Тюдоров. На главном его фасаде виднелись три остроконечные кровли, или три шпиля, в промежутках между кровлями тя-

нулись тонкие высокие дымовые трубы, так что оконечности их значительно возвышались еще над тремя шпилями, о которых я упомянул. Мне кажется, что красота дома во многом зависела от этих двух труб, – от них и еще от готических окон, которыми испещрен был главный фасад. Парадный вход с выдающимся вперед подъездом, разумеется, ни под каким видом не мог находиться посредине фасада. При входе в главную дверь, направо от вас, красовалось одно окно, налево – три. Над ними тянулась линия пяти окон, из которых одно находилось прямо над подъездом. Нам всем знакомо прекрасное старинное окно Тюдоров с его каменной рамой, где горизонтальные и вертикальные части пересекаются ближе к его верху, чем к основанию. Из всех окон, придуманных архитектурой, едва ли найдется другое более приятное на вид. А здесь, в Оллингтоне, мне кажется, красота их увеличивалась еще и тем, что они не имели однообразной формы. Некоторые окна были сравнительно широки, другие узки. К числу первых принадлежали окна нижнего этажа по ту и по другую сторону парадных дверей. Прочие не отличались особенной правильностью – в одном месте широкое окно, в другом – узкое, – но общий вид от этого ничего не терял, напротив, едва ли можно было придумать что-нибудь лучше. Наконец, в трех шпилях находились три подобных отверстия. Они так же разделялись посредине каменными колонками, так что в архитектуре лицевого фасада дома было много общего.

Вокруг дома были три ухоженных сада, не очень больших, но достойных внимания за опрятность, широкие песчаные дорожки и, наконец, за одну аллею перед домом, такую широкую, что она могла бы называться бульваром. Впрочем, эта аллея хоть и тянулась перед главным фасадом, но начиналась от него в некотором расстоянии, чтобы дать место экипажам для подъезда к парадному входу. Оллингтонские Дейлы всегда были садовниками, и их сад считался во всем графстве более примечательным, чем что-либо другое из их достояния. Но за пределами садов ничто не придавало оллингтонскому дому величавый вид. Тем не менее прилегавшие к садам пастбища были прекрасными лугами, с обилием дикорастущих деревьев. В Оллингтоне недоставало оленьего парка, а оллингтонские леса хоть и пользовались известностью, но они не составляли единого целого с домом и садами, располагаясь в стороне, закрытые от глаз, за целую милю от заднего фасада дома, что, однако же, несло в себе пользу для сохранения численности лисиц.

И опять же, дом стоял слишком близко к дороге, чтобы выглядеть величаво, если только можно допустить, что кто-либо из оллингтонских сквайров имел цель придать своему жилищу величественный вид. Впрочем, мне кажется, что наши идеи о сельской красоте и с тем вместе грандиозности значительно изменились со времени постройки старинных загородных домов. Быть вблизи деревни для того, чтобы некоторым образом обеспечивать ей комфортное существо-

вание, защиту и покровительство, а может, и для того, чтобы доставлять подобным соседством удовольствие домашним и друзьям, служило главной целью джентльмена старого времени, когда он строил загородный дом. В нынешнее время уединение в центре обширного парка считается самым удобным и приятным местоположением. Теперь принято за правило, чтобы из окон господского дома не показывался ни один коттедж селянина, кроме разве утонувшего в зелени коттеджа садовника. В теперешние дни, если деревню нельзя уничтожить совсем, то, по крайней мере, она не должна бросаться в глаза. Унылый звук церковных колоколов производит неприятное впечатление, и дорога, по которой свободно может проехать всякий простолюдин, должна находиться в стороне. Не так думал об этом один из оллингтонских Дейлов, когда строил свой дом. Тут стояла и церковь, и деревня, ему нравилось подобное соседство – ему приятно было находиться на близком расстоянии и от Бога, и от ближних.

Проезжая по дороге от Гествика в деревню, вы видите в левой стороне, довольно близко от себя, церковь, а господский дом все еще не показывается. Но когда вы приблизитесь к церкви, когда поравняетесь с воротами церковной ограды, перед вами откроется во всей красоте Большой оллингтонский дом. Быть может, это самое лучшее место, с которого можно любоваться картиной оллингтонского Дома. Неширокая просека или аллея и по ней обыкновенная дорога ведет к воротам церковной ограды, воротам, которые вместе с тем

служат и входом в поместье мистера Дейла. Тут нет сторожевого домика, ворота стоят открытыми – и так почти постоянно, за исключением случаев, когда их нужно закрыть из-за пасущихся в поместье стад. Впрочем, тут есть еще другие, внутренние ворота, отделяющие пастбища от сада, и за ними, пожалуй, третьи, ярдов на тридцать от вторых, через которые вы входите на скотный двор. Быть может, такое близкое соседство скотного двора составляет недостаток Большого дома, но надо сказать, что конюшни, хлева, сеновалы, немытые телеги и лениво передвигающаяся с места на место домашняя скотина закрыты от дома, как ширмой, каштановыми деревьями, посаженными в ряд, с красотой которых, когда они роскошно цветут в начале мая, не может сравниться ни один ряд деревьев во всей Англии. Если бы кто-нибудь сказал оллингтонскому Дейлу – нынешнему или прежнему, – что поместье его нуждается в лесе, он вместо ответа указал бы, со смешанным чувством гордости и неудовольствия, на эту ширму, на этот каштановый пояс.

О церкви я намерен сказать как можно меньше. Это была церковь, каких в Англии найдутся тысячи – высокая, неудобная, с трудом поддерживаемая в должном порядке, преждевременно пропитанная сыростью, а между тем построенная по всем базовым правилам архитектуры. Основное пространство делилось на центральный неф и боковые приделы, так что фундамент здания по форме напоминал крест, хотя приделы казались обрезанными и приставленными к ту-

ловищу руками. Алтарь церкви был отделен от центральной части, а в противоположном конце постройки возвышалась большая приземистая четырехугольная башня со шпилем в виде опрокинутого колокола. Этот шпиль был покрыт свинцом и имел крайне неправильные пропорции. Кому не знакомы низенькая паперть, высокое готическое окно, приделы с плоскими кровлями и почтенная, старая, седая башня таких церквей, как эта? Что касается внутреннего убранства, то храм имел запыленный вид, был загромажден неприглядными скамейками с высокими спинками. У западных дверей находились покосившиеся хоры, казалось, готовые вот-вот рухнуть, но там собирались ребятишки-певчие и два ветхих музыканта надували хриплые фаготы. Кафедра представляла собой неуклюжее бесполезное сооружение, почти упиравшееся в своды, а положение пюпитра на кафедре едва позволяло священнику уклониться от болтавшихся кистей навешенного над ним балдахина. Нисколько не удобнее устроено было в кафедре и место для клирика, расположенное ниже, где-то между небом и землёй, вообще все было сделано не так, как бы хотелось видеть. Несмотря на то, церковь выглядела как церковь, и я едва ли могу сказать больше в похвалу всех новейших зданий, воздвигнутых в мое время во славу Господа. Да, это был действительно храм, тем более что, проходя посреди него между скамейками, вы ступали на медные плиты, которые достойным образом обозначали места вечного упокоения Дейлов, отошедших в мир иной.

За церковью, между ней и деревней, стоял дом приходского священника. Небольшой сад, окружавший его, простирался от кладбища до самых задворков деревенских коттеджей. Это был прехорошенький домик на привлекательной местности, построенный заново тридцать лет тому назад, он вполне удовлетворял идеям о комфорте богатого духовного сословия, из которого всегда назначались священники в оллингтонский приход. Разумеется, в течение нашего пребывания в Оллингтоне нам придется время от времени заглядывать и в дом священника, а потому теперь я не вижу необходимости распространяться о его комфорте и удобствах.

По мере того как вы подвигаетесь вперед по аллее, ведущей к дому приходского священника, к церкви и к господскому дому, большая дорога быстро опускается вниз к мелкому ручью, который бежит мимо деревни. Направо, при спуске, вы увидите гостиницу под вывеской «Красный лев», другого, более замечательного, здания, которое бы обращало на себя внимание, вы не встретите. Внизу ската, подле самого ручья, стоит почтовая контора, которую содержит, конечно, самая сварливая старушонка в этой местности. Здесь дорога пересекается ручьем, и здесь же для удобства пешеходов устроен узенький деревянный мостик. Но до перехода через ручей вы увидите в левой стороне поперечную дорогу, идущую совершенно параллельно с аллеей господского дома. Там, где улица поднимается на пригорок, стоят самые лучшие дома деревни. Там живут булочник и почтенная жен-

щина, мистрис Фромэдж, которая торгует лентами, игрушками, мылом, соломенными шляпами и множеством других вещей и вещиц, пересчитывать которые было бы и бесполезно, и слишком долго. Там же живет аптекарь, благоговение к которому, как здешнего, так и соседних приходо́в, возвысило его на степень врача. Наконец, здесь же, в миниатюрном, но премиленьком коттедже, проживает мистрис Харп, вдова прежнего священника, – проживает на заключенных со сквайром условиях, которые, к сожалению, не так дружелюбны или гуманны, как им следовало бы быть. За скромной резиденцией этой леди оллингтонская улица, ибо так названа здесь дорога, вдруг круто поворачивает к церкви, и на самом повороте вы упираетесь в невысокий железный забор с воротами и крытым проходом, ведущим к главным дверям дома. При заключении этой скучной главы я скажу только одно, что это-то и есть оллингтонский Малый дом. Оллингтонская улица, как я уже сказал, круто поворачивает в этом месте к церкви и там оканчивается у белых ворот, служащих входом на кладбище с другой стороны.

О Большом оллингтонском доме, о сквайре и деревне я сказал все необходимое. О Малом доме я поговорю отдельно в одной из следующих глав.

Глава II. Две ОЛЛИНГТОНСКИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

– Но мистер Кросби всего лишь клерк.

Этот саркастический приговор произнесен был мисс Лирианой Дейл в разговоре с сестрой ее, Изабеллой, и относился к джентльмену, которого мы будем часто упоминать на этих страницах. Я не говорю, что мистер Кросби окажется нашим героем, ведь нынешняя драма станет подаваться фрагментами в общем повествовании. Все возвышенное и прекрасное в нашей истории будет разжижено и распределено в весьма умеренных дозах между двумя или более (по всей вероятности, между тремя или четырьмя) молодыми джентльменами, но ни одному из них не представится привилегии быть героем.

– Не знаю, Лили, что ты хочешь этим сказать: всего лишь как клерк. Мистер Фанфарон тоже всего лишь как адвокат, а мистер Бойс – всего лишь как священник.

Мистер Бойс был оллингтонский священник, а мистер Фанфарон – адвокат, который во время выездных судебных заседаний заезжал в Оллингтон.

– Ты, пожалуй, еще скажешь, что и лорд Де Гест всего лишь граф.

– И скажу: действительно, всего лишь граф. Конечно, это-

го никто бы не сказал, если бы он кроме откармливания быков занимался чем-нибудь другим. Ведь ты понимаешь, что я хотела сказать, назвав мистера Кросби клерком? Небольшая, кажется, важность – получить государственную должность, а между тем мистер Кросби ужасно как важничает.

– Однако ты не можешь сказать, что мистер Кросби то же самое, что и Джон Имс, – возразила Белл, которая, судя по тону ее голоса, вовсе не намерена была унижать достоинства мистера Кросби.

Джон Имс был молодой джентльмен из Гествика, получивший, года два тому назад, место в управлении сбора податей, с жалованьем по восьмидесяти фунтов стерлингов в год.

– Джон Имс тоже обыкновенный клерк, – сказала Лили. – А мистер Кросби... Ну, скажи мне, Белл, что же такое мистер Кросби, если не обыкновенный писец? Разумеется, он старше Джона Имса, и, как раньше него поступивший на службу, надо думать, что и жалованья получает больше восьмидесяти фунтов.

– Я не посвящена в тайны мистера Кросби. Знаю только, что он служит в Генеральном комитете³, и полагаю, что там один только он и управляет делами. Я слышала, как Бернард говорил, что у него в подчинении до семи молодых служа-

³ То есть Генеральном комитете палаты общин – одной из структур нижней палаты британского парламента. Обычно Генеральные комитеты не имеют названий и различаются по буквам А, В, С и т. д.

щих и что... Впрочем, я не знаю, чем он занимается в своем комитете.

– Хочешь, я скажу тебе, что такое мистер Кросби? Мистер Кросби надутый индюк.

И Лилиан Дейл сказала правду: мистер Кросби был надутый индюк.

Здесь, мне кажется, уместно объяснить, что такое был Бернард и кто был мистер Кросби. Капитан Бернард Дейл служил в Инженерном корпусе⁴, был первый кузен двух разговаривавших сестер, племянник и предполагаемый наследник сквайра. Его отец, полковник Дейл, и его мать, леди Фанни Дейл, по-прежнему обретались в Торки; это была изнеженная, не способная к труду, апатичная чета, для всего мира за пределами торкийских карточных столов считающаяся все равно что мертвой. Это был тот самый Дейл, который составил себе карьеру в 19-м драгунском полку, и составил ее тем, что увез дочь совершенно обнищавшего графа, лорда Де Геста. После такого подвига обстоятельства как-то не складывались в его пользу, не доставляли ему случая показать себя, сделаться человеком заметным. И так он постепенно начал терять уважение общества, а надо сказать, что общество до его побега с леди Фанни уважало его, но теперь, в преклонном возрасте, он и леди Фанни только и были

⁴ Он же Корпус королевских инженеров британской армии, занимавшийся вопросами строительства фортификационных сооружений, минированием, картографией, вопросами телеграфной связи для армейских нужд и т. д.

известны как завсегдатаи карточных столов на торкийских минеральных водах. Его старший брат все еще был здоровый мужчина, ходил, как говорится, в дорожных башмаках и крепко держался в седле, но полковник, не имея ничего для поддержания бодрости, ничего, кроме графского титула жены, преждевременно раскис и, что называется, заснул в домашних туфлях. От него и от леди Фанни Бернард Дейл был единственным сыном. У них были и дочери, одни умерли, другие вышли замуж, и при них осталась одна, также для того, чтобы скитаться между карточными столами. В последнее время Бернард виделся с родителями довольно редко, не чаще того, сколько требовал сыновний долг и надлежащее выполнение пятой заповеди⁵. Он тоже делал для себя карьеру: получил офицерское звание в Инженерном корпусе и был известен всем своим товарищам как племянник графа и наследник имения, дающего три тысячи фунтов годового дохода. Если к этому я прибавлю, что Бернард Дейл не склонен был отказываться от какого-либо из этих преимуществ, то скажу так совсем не в упрек. Преимущество быть наследником хорошего имения так очевидно, что никто не решится отклонить его и не пожелает кому-нибудь другому сделать то же самое. Деньги в кармане или ожидание получить их заставляют человека совсем иначе держать голову, придают какую-то уверенность его голосу, уверенность в самом себе, которые много помогают ему на жизненном пути —

⁵ Пятая заповедь гласит: «Чти отца своего и мать свою».

разумеется, в том только случае, если человек воспользуется ими, но не злоупотребит ими. Бернард Дейл не любил говорить часто о своем дяде-графе. Он знал, что дядя его – граф, и был уверен, что факт этот известен всем. Он знал, что в противном случае его не выбрали бы членом Бофорта или того самого аристократического небольшого клуба, который назывался клубом Себрайт. Когда дело касалось благородства крови, он не ссыался на собственное происхождение, но умел говорить как человек, о котором знал весь свет, и знал, какое место должен занимать он в обществе, благодаря своему происхождению. Значит, он благоразумно пользовался своим преимуществом и не использовал его во зло. По должности своей он был одинаково счастлив. С помощью трудолюбия, небольшого, но деятельного ума, а также покровительства некоторых особ он мало-помалу продвигался вперед, становился более и более заметным и сумел наконец прослыть за талантливого человека. Имя его сделалось известным между учеными-экспериментаторами – не как имя человека, который сам изобрел небывалую пушку или орудие, противодействующее пушке, но как человека, понимающего пушечное дело и вполне способного рассуждать о пушках, изобретенных другими, – человека, который честно будет производить опыты над изобретением и поставлять ему противодействующую силу. В этом роде состояли все занятия капитана Дейла около Лондона, его не посылали в Но-

вую Шотландию строить казармы или в Пенджаб⁶ – проводить дороги.

Капитан Бернард был мужчина невысокого роста, не выше своего дяди, но в чертах лица имел с ним большое сходство: те же глаза, тот же нос, подбородок и даже рот, но лоб его выглядел лучше – не так высок, менее выдавался вперед и как-то удачнее сформирован над бровями. Кроме того Бернард носил усы, прикрывавшие его тонкие губы. Вообще говоря, он был красивый мужчина и, как я уже заметил, имел вид самоуверенный, который уже сам по себе придавал молодому человеку особенную грацию.

Сейчас Бернард находился в доме своего дяди – в продолжение пленительных теплых дней, пока июль месяц еще не подошёл к концу – и там же гостил задушевный друг его, Адольф Кросби, а был ли он или не был обыкновенным клерком, об этом я предлагаю судить читателям. Со своей стороны я намерен сказать, что Адольф Кросби был более чем клерк или писец, и я не думаю, чтобы его назвал кто-нибудь писцом, даже Лили Дейл, если бы он сам не дал ей повода считать его «надутым индюком». Во-первых, человек, делаясь «надутым», не может в то же время оставаться обыкновенным писцом. Во-вторых, капитан Дейл не захотел бы быть Дамоном для какого-нибудь Пифиаса⁷, о ко-

⁶ Провинция на северо-западе Британской Индии, существовавшая с 1849 по 1947 год.

⁷ Дамон и Пифиас – аллегорически: неразлучные друзья – в Древней Греции

тором можно сказать, что он действительно обыкновенный писец. И опять, никакой писец не мог бы попасть в клуб Бофорт или Себрайт. Это может служить весомым опровержением первого утверждения со стороны мисс Лилианы Дейл и также весьма серьезным опровержением ее последующего утверждения. Правда, мистер Кросби действительно важничал, правда и то, что он был клерком в Генеральном комитете. Но надо заметить, что Генеральный комитет находился в Уайтхолле⁸, между тем как бедный Джон Имс должен был ежедневно путешествовать из отдаленной части Лондона на Рассел-сквер⁹, в грязную контору в Сомерсет-гаузе. Адольф Кросби еще в молодости был личным секретарем, где достиг некоторого авторитета и впоследствии получил место старшего клерка, приносившее ему кроме семисот фунтов стерлингов жалованья еще и высокое, заметное положение между помощниками министров и другими чиновниками, а

двое жителей города Сиракузы, ставшие олицетворением крепкой дружбы. Пифиас был приговорен к смерти, но попросил отпустить его ненадолго по делам, а Дамон, чтобы просьбу выполнили, согласился стать заложником и при необходимости умереть вместо приговоренного. В назначенное время Пифиас не вернулся, поэтому все решили, что он сбежал, и уже собрались казнить Дамона, но именно в этот момент Пифиас появился, объяснив, что его задержали неподвиженные обстоятельства, но он спешил как мог.

⁸ Уайтхолл – улица в центре Лондона. Ведет от здания британского парламента к Трафальгарской площади. Ее название также используется как нарицательное обозначение британского правительства.

⁹ Рассел-сквер – прямоугольная площадь в историческом центре Лондона, рядом с Британским музеем.

это, даже с официальной точки зрения, что-нибудь да значило. У Адольфа Кросби были еще и другие отличия. Мало того что он был в дружеских отношениях с помощниками министров и имел в Уайтхолле особую комнату с креслом, он пользовался правом стоять на ковре в клубе Себрайт и ораторствовать, между тем как богатые люди слушали его, – не только богатые люди, но и люди, имевшие при фамилиях звучные приставки! Достижения Адольфа Кросби состояли не только в подготовке дельных докладов по бумагам Генерального комитета. Он расположился перед воротами города моды и взял их штурмом, или, точнее, подобрал ключи к замкам от этих ворот и прошел. Его жизненный путь оказался таков, что этот человек кое-что из себя представлял в Лондоне. Если житель Вест-Энда, самой фешенебельной части Лондона, не знал, кто такой Адольф Кросби, значит, он ровно ничего не знал. Я не говорю, что Адольф был близко знаком со многими важными персонами, но все же эти люди не гнушались знакомством с Адольфом Кросби, и его нередко можно было встретить в гостиных, а на парадных лестницах членов кабинета министров и подавно.

Лилиана Дейл, – милая Лили Дейл, – предупреждаю читателя, что она действительно премилое создание и что история моя покажется ему пустой, если он не полюбит Лили Дейл, – Лилиана Дейл обнаружила, что мистер Кросби – «надутый индюк». Но по долгу правдивого человека я обязан сказать, что он не принял бы этого факта за оскорбле-

ние, сделавшись «надутым», он не сделался еще совсем дурным человеком. И вот еще что: нельзя же в самом деле ожидать от человека, о котором так заботились в клубе Себрайт, чтобы он держал себя в оллингтонской гостиной, как Джон Имс, с которым никто не обращался ласково, кроме разве матери. Наконец, эта частица нашего героя имела еще другие достоинства, чтобы поддержать его, кроме тех, которыми давал ему модный костюм. Адольф Кросби был высокого роста, видный мужчина, с приятными и выразительными глазами, – мужчина, на которого бы вы обратили внимание, в какой бы гостиной ни встретились с ним, он умел поговорить, и в его разговоре было что-то привлекательное. Это не был денди или бабочка, которая сформировалась под влиянием солнечной теплоты и получила привлекательную пестроту в крылышках от солнечных лучей. Кросби имел собственный взгляд на вещи – на политику, на религию, на филантропические тенденции века, он о них читал, и это тем более помогало ему точно формулировать мнения. Быть может, он выиграл бы гораздо больше, не поступив так рано в Уайтхолл. В нем было что-то особенное, что могло бы дать ему лучший кусок хлеба при другой профессии.

Впрочем, в этом отношении судьба Адольфа Кросби была решена, и он примирился с ней, как с неизбежностью. На его долю выпало получить небольшое наследство, составлявшее около ста фунтов годового дохода, а вдобавок к этому он получал жалованье, и больше ничего. На эти деньги

он жил в Лондоне холостяком, наслаждался всеми удовольствиями, какие Лондон мог предоставить ему как человеку с умеренными, но почти независимыми средствами и ожидающему в будущем неприхотливой роскоши: ему хотелось иметь жену, собственный дом или конюшню, полную лошадей. Те удовольствия и даже прелести жизни, которыми он наслаждался, делали бы его в глазах Имса, если бы он узнал о них, баснословным богачом. Квартира мистера Кросби в улице Маунт была элегантна во всех отношениях. В течение трех месяцев лондонского сезона Кросби считал себя полным господином очень изящного наемного экипажа. Он щегольски одевался, всегда прилично и со вкусом. В клубах умел держать себя наравне с людьми, получавшими вдесятеро больше дохода. Кросби не был женат. В глубине души он знал, что ему нельзя жениться на бедной невесте, как признавал и то, что ему не хотелось бы жениться на деньгах, а поэтому вопрос о женитьбе, о счастье супружеской жизни был отодвинут у него на задний план. Но... но в нынешнюю минуту мы не станем вдаваться с излишним любопытством в частную жизнь и обстоятельства нашего нового друга Адольфа Кросби.

После приговора, произнесенного над ним Лилианой, две сестры некоторое время молчали. Белл, как кажется, немного рассердилась на Лили. Редко случалось, чтобы она позволяла себе расточать похвалы какому-нибудь джентльмену, а теперь, когда она сказала несколько слов в пользу мисте-

ра Кросби, сестра упрекнула ее за это невольное увлечение. Лили что-то рисовала и через минуту или две совсем забыла о мистере Кросби, но Белл продолжала считать себя обиженной и не замедлила вернуться к прерванному разговору:

– Мне не нравится этот сленг¹⁰, Лили.

– Какой сленг?

– Тот, который ты употребила, когда говорила о друге Бернарда.

– Ах да! Я назвала его надутым индюком. Полагаю, мне приятно использовать сленг. Я думаю, это ужасно смешно – говорить так о забавных вещах. Только из боязни расстроить твои нервы я должна была назвать его неотразимым. Но согласишься, что это займет много времени, если при каждом разговоре нам надо обращаться к словарю и отыскивать в нем приличные выражения.

– Все же, мне кажется, нехорошо отзываться так о джентльмене.

– В самом деле? Я и хотела бы выразаться лучше. Да что же делать, если не умею?

«Если не умею»! Для взрослой девицы подобного неумения не должно существовать. Дело другое, если бы природа и мать не наделили ее этой способностью. Но я думаю, что в этом отношении природа и мать были довольно щедры в

¹⁰ В Англии XIX века под словом «сленг» понимали любые выражения, не относящиеся к литературному языку, в том числе жаргон, диалектизмы, просторечие и т. д.

отношении Лилианы Дейл.

– Во всяком случае, мистер Кросби джентльмен и умеет показать себя приятным. Вот мое мнение, – произнесла Белл. – Мама говорила о нем гораздо больше, чем я.

Лили ответила:

– Мистер Кросби – Аполлон, а я всегда считала Аполлона, как ты знаешь, величайшим из когда-либо существовавших индю... Я не договариваю, потому что Аполлон был джентльмен.

В этот момент, когда имя бога красоты оставалось еще на устах Лили, в открытом окне гостиной промелькнула тень, и вслед за тем вошел Бернад, сопровождаемый мистером Кросби.

– Кто здесь говорит об Аполлоне? – спросил капитан Дейл.

Девушки как будто онемели. Что будет с ними, если мистер Кросби слышал последние слова бедной Лили? Белл всегда обвиняла свою сестру в опрометчивости – и вот результат! Но, по правде сказать, Бернад, кроме слова *Аполлон*, ничего не слышал, а мистер Кросби, шагая позади, не слышал и этого.

Пленительны и музыкальны,
Как звуки арфы Аполлона...

– Со струнами из его волос! – сказал мистер Кросби, не

обращая большого внимания на цитату, но замечая, что сестры были чем-то встревожены и молчали.

– Какая должна быть неприятная музыка, – сказала Лили, – но, может, у Аполлона были волосы не такие, как у нас.

– Волосы его были подобны солнечным лучам, – заметил Бернард.

В это время Аполлон поздоровался, и леди приветствовали гостей надлежащим образом.

– Мама в саду, – сказала Белл с той притворной скромностью, которая так свойственна юным леди, когда молодые джентльмены застают их одних, как будто все заранее знают, что мама должна быть предметом их посещения.

– Собирает горох, – прибавила Лили.

– Так пойдемте же скорее помогать ей, – сказал мистер Кросби, и с этими словами все отправились в сад.

Сады Большого оллингтонского дома и Малого были открыты друг для друга. Их разделяли густая живая изгородь из лавровых деревьев, широкий ров и острые железные колышки, окаймлявшие ров. В одном месте через этот ров был перекинут пешеходный мостик, который закрывался воротами, никогда не знавшими замка, так что для всякого желающего получить удовольствие от прогулки здесь всегда имелся проход из одного сада в другой. Сад, принадлежащий Малому оллингтонскому дому, был очень мил, но сам домик стоял так близко к дороге, что между окнами столовой и железным забором оставалась весьма узкая полоска земли, по

которой тянулась вымощенная булыжником дорожка фута два шириною, где никто никогда не ходил кроме садовника. Расстояние от дороги к дому, не более пяти-шести футов, было занято крытым проходом. Сад позади дома, перед окнами гостиной, казался таким уединенным, будто рядом не существовало ни оллингтонской деревни, ни дороги, ведущей к церкви, расположенной всего в ста ярдах от садовой лужайки. Правда, с этой лужайки, тут же перед окнами, можно было видеть церковный шпиль, выглядывающий из-за тисовых деревьев в углу кладбища, примыкавшего к стене сада мистрис Дейл, но никто из Дейлов не выражал неудовольствия при виде этого шпиля. Главная прелесть оллингтонского Малого дома заключалась в его лужайке, такой ровной, такой гладкой и мягкой, точно бархат. Лили Дейл, гордясь своей лужайкой, часто говорила, что в Большом доме не найти такого местечка, на котором бы можно было поиграть в крикет. Трава, говорила она, растет там какими-то кочками, которых Хопкинс, садовник, никак не может или не хочет выровнять. В Малом доме этого нет, а так как сквайр не имел особенного пристрастия к игре в крикет, то все принадлежности для крикета были переданы в Малый дом, и эта игра сделалась там совершенно особым занятием.

Говоря о саде, я должен упомянуть об оранжерее мистрис Дейл, относительно которой Белл сохраняла твердое убеждение, что в Большом доме нет ничего подобного. «Разумеется, я имею в виду только цветы», – говорила она, поправ-

ляясь, потому что возле Большого дома находился отличный виноградник. В этом случае сквайр проявлял меньшую снисходительность, чем в деле крикета, и обыкновенно замечал племяннице, что в цветах она ничего не смыслит.

«Может быть, дядя Кристофер, – возражала она. – Мне все равно, только наши герани лучше винограда».

Мисс Дейл отличалась некоторым упрямством. Впрочем, это качество было присуще всем Дейлам мужского и женского пола, молодым и старым.

Нельзя также не сказать здесь, что попечение о лужайке, оранжерее и вообще обо всем саде, принадлежавшем к Малому дому, лежало исключительно на Хопкинсе, старшем садовнике Большого дома, и по этой причине мистрис Дейл не считала нужным нанимать собственного садовника. Работящий парень, который чистил ножи и башмаки и копал гряды, был единственным слугой мужского пола при трех леди. Впрочем, Хопкинс, главный оллингтонский садовник, имевший в подчинении работников, почти с таким же усердием наблюдал за лужайкой и оранжереей Малого дома, как за виноградом, персиками и террасами Большого. В его глазах это было одно и то же место. Малый дом принадлежал его господину, как принадлежала ему даже мебель в доме, и дом этот находился в распоряжении, но не отдавался в аренду мистрис Дейл. Хопкинс, может, не слишком жаловал мистрис Дейл, видя, что он совсем не обременен какими-нибудь обязанностями по отношению к ней, как к урожденной

леди Дейл. Ее дочерей он любил, но иногда говорил им грубости, и делал это совершенно безнаказанно. В отношении к мистрис Дейл он был холодно учтив, и когда она отдавала Хопкинсу какое-нибудь серьезное приказание относительно сада, он исполнял его не иначе, как с разрешения сквайра.

Все это будет служить объяснением того, в каких условиях проходила жизнь мистрис Дейл в Малом доме, — обстоятельство, настоятельно требующее объяснения раньше или позже. Ее муж был младший из трех братьев и во многих отношениях лучший. В молодости он отправился в Лондон и сделался землемером. Он так хорошо исполнял обязанности, что правительство приняло его на государственную службу. В течение трех или четырех лет он получал большие доходы, но его внезапно постигла смерть — в то самое время, когда только начинало осуществляться блестящее будущее, которое он видел перед собой. Это случилось лет за пятнадцать до начала нашего рассказа, так что оставшиеся сироты едва сохранили воспоминание о своем отце. В течение первых пяти лет вдовства мистрис Дейл, никогда не пользовавшаяся особенным расположением сквайра, жила с двумя маленькими дочерьми так скромно, как только позволяли ее весьма ограниченные средства. В то время старуха мистрис Дейл, мать сквайра, занимала Малый дом. Но когда старуха умерла, сквайр предложил этот дом бесплатно своей невестке, поставив при этом на вид, что ее дочери, живя в Оллингтоне, получают значительные общественные выгоды. Вдова приня-

ла предложение, и затем действительно последовали общественные выгоды. Мистрис Дейл была бедна, весь доход ее не превышал трехсот фунтов в год, и потому ее образ жизни был по необходимости весьма непритязательный, но она видела, что ее дочери становились популярными во всем графстве, были любимы окружающими их семействами и пользовались почти всеми преимуществами, которые обе получили бы, будь они дочерьми оллингтонского сквайра Дейла. При таких обстоятельствах ей было все равно, любил ее или не любил оллингтонский сквайр, уважал ее или нет садовник Хопкинс. Ее дочери любили и уважали ее, и в этом заключалось все, чего она требовала для себя от целого света.

Дядя Кристофер был очень добр и любезен к племянницам, добр и любезен по своим суровым понятиям о доброте и любезности. В конюшнях Большого дома находились две маленькие лошадки, пони, которые были отданы в полное распоряжение племянниц, так что кроме них никто не имел права кататься на лошадках, за исключением разве каких-нибудь особенных случаев. Я думаю, сквайр мог бы подарить этих пони племянницам, но он думал иначе. Он пополнял их гардероб, посылая время от времени необходимые, по его мнению, материи, далеко, впрочем, не модные и не нарядные. Денег он не давал и не делал по этой части никаких обещаний. Они были Дейлы, и сквайр любил их, а Кристофер Дейл, полюбивший однажды, любил навсегда. Белл была его любимицей, и к ней, как и к племяннику Бернарду, он

относился наиболее тепло. На этих двух существах он основывал все свои надежды, предполагая, что Белл будет будущей госпожой Большого оллингтонского дома, впрочем, относительно этого плана мисс Белл оставалась в совершенном неведении.

Теперь мы, кажется, можем вернуться к нашим друзьям, которых оставили на лужайке. Они, как нам уже известно, отправились помогать мистрис Дейл собирать горох, но на пути к полезному занятию встало развлечение, и молодые люди, забыв, что хозяйка дома пребывает в трудах, позволили себе увлечься прелестями крикета. Железные обручи и палки стояли на местах, около них лежали моллеты¹¹ и мячи, и притом из молодых людей образовались такие прекрасные партии!

– Я не играл еще в крикет, – сказал мистер Кросби.

Нельзя сказать, чтобы он упустил много времени, которое мог бы потратить на игру, потому что мистер Кросби прибыл в Большой дом не далее как перед обедом вчерашнего дня. Через минуту моллеты были уже в руках четверки.

– Мы, конечно, поделимся на партии, – сказала Лили, – Бернард и я будем играть вместе.

Но этого не позволили, Лили считалась королевой крикета, а так как Бернард был искуснее своего друга, то Лили заставили взять себе в товарищи мистера Кросби.

– Аполлон не умеет попадать в обручи, – говорила впо-

¹¹ Деревянные молотки для игры в крикет.

следствии Лили сестре, – но как грациозно он промахивается!

Лили была побеждена, и потому ей можно извинить небольшую досаду на своего товарища. Впрочем, надо сказать, что мистер Кросби до отъезда из Оллингтона научился прекрасно попадать в обручи, и Лили хотя все еще считалась царицею поля, но должна была допустить в своих владениях и господство мужчины.

– Мы не так играли в... – сказал Кросби во время игры и вдруг остановился.

– Где же это вы играли? – спросил Берnard.

– В одном месте, которое я посетил прошлым летом, в Шропшейре.

– В том месте, мистер Кросби, где вы были прошлым летом, в Шропшейре, не умеют играть в крикет, – сказала Лили.

– Я знаю, ты хочешь сказать, что он был у леди Хартльтон, – сказал Берnard.

Здесь мы заметим, что маркиза Хартльтон была очень важная персона – законодательница мира моды.

– А! У леди Хартльтон! – возразила Лили. – В таком случае, конечно, мы должны отдать ей первенство.

Это маленькое ироничное замечание имело значение для мистера Кросби и, разумеется, осталась у него в памяти. Он старался избегать имени леди Хартльтон и не упоминать о ее лужайке для игры в крикет. Несмотря на это, он не сердился

на Лили Дейл – напротив, она нравилась ему, но Белл нравилась еще больше, хотя и мало говорила. Белл, надо сказать, была в семействе красавицей.

Во время игры Бернард вспомнил, что они пришли просить обитательниц Малого дома к обеду в Большой дом. Они обедали там накануне, и дядя молоденьких леди отправил кавалеров просить их к обеду и на этот день.

– Я пойду спросить об этом маму, – сказала Белл, освободившись от игры.

По возвращении на лужайку она объявила, что она и сестра должны исполнить приказание дяди, но что мама предпочитает остаться дома.

– Она хочет покушать гороху, – заметила Лили.

– Так отправить его в Большой дом, – сказал Бернард.

– Нельзя, Хопкинс не позволит, – сказала Лили, – он называет это смешением вещей. Хопкинс не любит смешений.

Когда кончилась игра, молодые люди начали бродить по саду, перешли из малого в большой, добрались до его края, заросшего кустарником, и вышли на соседние поля, где еще лежали остатки сушившегося сена. Лили взяла грабли и минуты две гребла сено, мистер Кросби, попытавшись бросать сено на воз, должен был заплатить поселянам полкроны за это. Белл спокойно сидела под деревом, заботясь о том, чтобы лицо не слишком загорело, а между тем мистер Кросби, убедившись, что бросание сена очень утомительно, улегся под то же самое дерево, приняв позу настоящего Аполлона,

как рассказывала Лили своей матери поздно вечером. Бернад не мог придумать лучшей шутки, как бросить на Лили охапку сена, Лили, отвечая тем же, едва не задушила мистера Кросби – разумеется, без всякого умысла.

– Ах, Лили, – заметила Белл.

– Прошу прощения, мистер Кросби. Это все Бернад виноват. С вами, Бернад, никогда другой раз не пойду на сенокос.

Таким образом, все были веселы, все как-то особенно настроены к дружескому развлечению, одна Белл спокойно сидела под деревом и только изредка прислушивалась к словам мистера Кросби. Время, проведенное в обществе, где для оживления беседы требуется совсем не много слов, имеет особенную прелесть. Белл была менее жизнерадостна, чем ее сестра Лили, и, когда, спустя час после этого, сестры одевались к обеду, она признавалась, что провела время самым приятным образом, хотя мистер Кросби и не был слишком разговорчив.

Глава III. Вдова Дейл

Так как мистрис Дейл Малого дома не принадлежала, по своему происхождению, к фамилии оллингтонских Дейлов, то нет необходимости доказывать, что в ее характере напрасно было бы искать особенности, свойственные характеру Дейлов. Эти особенности не были, возможно, очень заметны и в ее дочерях, которые в этом отношении более заимствовали от матери, чем от отца, но притом внимательный наблюдатель легко заметит в них оттенки характера Дейлов. Они были постоянны, тверды и иногда очень строги в суждениях, они полагали, что принадлежать к фамилии Дейлов – весьма много значит, но не имели привычки много говорить об этом и гордиться – они обладали своей, особенной гордостью, которая досталась по наследству от матери.

Конечно, мистрис Дейл была гордая женщина, но она гордилась вовсе не тем, что исключительно принадлежало ей самой. По происхождению она была гораздо ниже мужа, потому что ее дед был почти никто. Ее состояние было довольно значительно для ее скромного положения в жизни, и доходы с него служили главными источниками ее существования, но этого далеко не достаточно, чтобы гордиться им как богатством. Она считалась некогда красавицей, и даже теперь, на мой взгляд, все еще была очень хороша, но, разумеется, в эту пору жизни, после пятнадцати лет вдовства, с двумя взрос-

лыми дочерьми на руках, она не гордилась своей красотой. Не имела она также сознательной гордости в том, что была леди. А что она была леди, снаружи и внутри, с макушки до пят, в сердце и в уме, леди по воспитанию и по природе, и также по происхождению, несмотря на недостаток в этом отношении ее деда, я ручаюсь за этот факт – *meo periculo*¹². Сквайр, не питая к ней особенного расположения, признавал, однако же, в ней это достоинство и во всех отношениях обходился с ней как с равной себе.

Ее положение требовало, чтобы она была или очень горда, или уж очень покорна. Она была бедна, а между тем ее дочери занимали положение, которое имеют только дочери богатых людей. Они пользовались этим положением как племянницы бездетного оллингтонского сквайра и как его племянницы, по мнению мистрис Дейл, имели полное право на его ласковое обращение и любовь, не в ущерб уважению к ней самой или к ним. Весьма дурно выполняла бы мистрис Дейл материнские обязанности в отношении к дочерям, если бы позволила собственной гордости встать между ними и теми материальными благами, которые дядя в состоянии был дать им. Через них и для них она бесплатно получила дом, в котором жила, и пользовалась многим, что принадлежало собственно сквайру, а ради себя не получила ничего. Брак ее с Филиппом Дейлом не нравился его брату сквайру, и сквайр, при жизни еще Филиппа, продолжал показывать,

¹² Ручаюсь жизнью (*лат.*).

что повлиять на его мнение в этом отношении не было никакой возможности. И оно не изменилось. Прожив несколько лет в самом близком соседстве, принадлежа, можно сказать, к одному и тому же семейству, сквайр и мистрис Дейл не могли сделаться друзьями. Между ними никогда не было ссоры, об этом нечего и говорить. Они постоянно встречались. Сквайр бессознательно оказывал глубокое уважение вдове брата, со своей стороны вдова вполне ценила любовь, проявляемую дядей к ее дочерям, но все-таки они не могли сделаться друзьями. Мистрис Дейл никогда не говорила сквайру ни слова о своих денежных делах. Сквайр ни слова не говорил матери о своем намерении относительно ее дочерей. Таким образом они жили и живут в Оллингтоне.

Жизнь, которую вела мистрис Дейл, нельзя назвать легкой, не лишенной многих мучительных усилий. Принцип этой жизни можно выразить следующими словами – мистрис Дейл должна похоронить себя для того, чтобы ее дочери счастливо жили на свете. Для исполнения этого принципа в требовалось воздерживаться от всякой жалобы на свою участь, не подавать вида перед дочерьми, что ее положение горько. Счастье их жизни на земле было бы отравлено, если бы они заметили, что их мать, в своей «подземной» жизни, испытывает ради них и переносит всякого рода лишения. Необходимо было, чтобы они думали, что сбор гороха в колленкоровой шляпке с опущенными полями, долгое чтение книг перед камином и время, проводимое в одиночестве и

размышлениях, соответствовали ее склонностям. «Мама не любит показываться в обществе», «Я не думаю, чтобы мама была где-нибудь счастливее, кроме своей гостиной» – так обыкновенно говорили ее дочери. Я не могу сказать, что их научали произносить подобные слова, они сами приучились к мысли, которая заставила их выражаться таким образом, и уже в первое время своего появления в обществе привыкли отзываться так о матери. Но вскоре настал час – сначала для одной, а затем и для другой, – когда они узнали, что это было совсем не так, и кроме того узнали, что для них и за них их бедная мать много страдала.

И действительно, мистрис Дейл душой могла бы быть несколько не старше своих дочерей. Могла бы тоже играть в крикет, грести сено, красоваться на маленькой лошадке и находить удовольствие в наездничестве, могла бы, наконец, выслушивать любезные фразы того или другого Аполлона, могла бы, если бы все это согласовывалось с ее положением. Женщины в сорок лет не всегда становятся старыми мизантропками или строгими моралистками, совершенно равнодушными к светским удовольствиям – нет! даже если бы они и были вдовами. Есть люди, которые полагают, что непременно таково должно быть настроение их умов. Признаюсь, я смотрю на это совсем иначе. Я бы хотел, чтобы женщины, а также и мужчины были молоды до тех пор, пока могут сохранить в своих сердцах силу молодости. Это не значит, что женщина должна говорить, будто ее возраст меньше то-

го, сколько значится по записи ее отца в семейной Библии. Пусть та из них, которой сорок лет, и считает себя сорокалетней, но если в эти годы она молода душой, то пусть покажет это.

Я не оправдываю мистрис Дейл. Вместо того чтобы оставаться между гороховыми зарослями в коленкоровой шляпе с опущенными полями, ей бы следовало, таков по крайней мере мой совет, присоединиться к играющим в крикет. Тогда между молодыми людьми она не проронила бы ни одного сказанного слова. А эти гороховые заросли отделялись от лужайки только невысокой стеной и несколькими кустарниками. Мистрис Дейл прислушивалась к словам играющих, но не из-за подозрительности, но как заботливая любящая мать. Голоса ее дочерей были очень приятны ей, серебристый голосок Лили звучал в ее ушах так чудесно, как музыка богов. Она слышала, что было сказано о леди Хартльтон, и вздрогнула от смелой иронии своей Лили. Она слышала, как Лили сказала, что мама хочет дома покушать гороху, и при этом подумала, что теперь такова уж ее участь.

– Милое, дорогое дитя! Действительно, такова и должна быть моя участь!

Когда напряженный слух ее проводил молодых людей через мостик в соседний сад, мистрис Дейл с корзинкой на руке перешла через лужайку и, опустившись на приступок у окна гостиной, устремила взор на роскошные летние цветы и гладкую поверхность расстилавшейся перед ней подстри-

женной травы.

В том, что она находится здесь, не проявлялась ли особенная благодать Провидения? Можно ли быть недовольным таким состоянием? Разве она не может считать себя счастливою, имея дочерей таких пленительных, любящих, доверчивых и в свою очередь заслуживающих полного доверия? Хотя Богу угодно было, чтобы муж, лучшая половина самой ее, был оторван от земной жизни и чтобы через это она лишена была всех земных радостей, но разве дурно, что за такое лишение для нее так много было сделано, чтобы смягчить ее судьбу и придать этой судьбе столько прелести и красоты? «Все это так», – говорила она про себя и все-таки считала себя несчастливою. Она решилась, как сама часто говорила, отказаться от всякого ребячества, и теперь сожалела о том, от чего сама же отказалась. В ушах ее все еще раздавался серебристый голос Лили, звучавший среди юной компании, которая пробиралась сквозь кустарники, – мистрис Дейл слышала эти звуки в то время, когда ничей слух, кроме материнского, не мог бы его различить. Если эти молодые люди были в Большом доме, то весьма естественно, и ее дочери должны быть там же. Сквайр не любил, чтобы гости сидели с ним, когда не было дам, которые бы украшали застолье. Но что касается мистрис Дейл, она была уверена, что никто и не подумает сожалеть о ее отсутствии. Правда, сейчас она снова должна была показаться в Большом доме, в противном случае ее отсутствие – не появление и уход, а по-

стоянное отсутствие, – было бы неприятно. Другой причины, по которой она должна присоединяться к обществу молодых людей, не было – присоединившись к нему, она не доставит никому удовольствия и не получит радости сама. Так пусть же ее дочери едят со стола брата и пьют из его чаши. Им всегда и от всей души будет сделан радушный прием. Для нее не существовало подобного радушия ни в Большом, ни во всяком другом доме, ни за чьим бы то ни было столом!

«Мама хочет дома покушать гороху». – И мистрис Дейл, утвердив локти на коленях и подпирая руками подбородок, повторила слова, произнесенные ее дочерью во время прогулки.

– Извините, мама, на кухне спрашивают, нужно ли чистить горох.

Вопрос этот прервал думы мистрис Дейл. Она встала и отдала корзинку.

– Неужели на кухне не знают, что барышни обедают сегодня в Большом доме?

– Знают, мама.

– Для меня не нужно готовить обеда. Я буду рано пить чай. – Так мистрис Дейл не исполнила исключительно ей предназначенного долга и не пошла на обед.

Но зато она приступила к исполнению другой обязанности. Когда семья из трех человек вынужденно живет на триста фунтов в год и несмотря на это претендует на положение в обществе, она должна заботиться о некоторых мелочах, да-

же и в таком случае, если бы эта семья состояла только из лиц женского пола. Мистрис Дейл знала это очень хорошо, а так как ей нравилось, что наряды ее дочерей были милы и свежи, поэтому она много времени посвящала этим заботам. Сквайр присылал племянницам шали на зиму, дарил наряды для верховой езды, привозил из Лондона коричневую шелковую материю на платья, но всегда в таком ограниченном количестве, что сшить два платья из подаренной ткани оказывалось делом выше искусства женщины, и особенно платья из шелковой материи коричневого цвета, а между тем сквайр хорошо помнил о своих подарках и с нетерпением ждал того, чтобы видеть плоды своей щедрости. Все это, разумеется, считалось вспомоществованием, но если бы сквайр дарил деньги, которые тратил на покупку материй, благодеяние его ценилось бы гораздо выше. Итак, дочери мистрис Дейл всегда были мило, прилично и даже нарядно одеты, они сами заботились и трудились над этим, но главной швеей и портнихой являлась их мать. И теперь она вошла в их комнату, вынула кисейные платья и... впрочем, мне кажется, я не должен здесь пускаться в подробности. Она, однако же, никогда не стыдилась этой работы, требовала горячий утюг и своими руками разглаживала все складки, придавала надлежащую пышность воланам, пришивала где нужно новую ленточку – словом, приводила все платье в должный порядок. Мужчины вовсе не знают, какого труда стоит доставить удовольствие их взору, хотя бы это было даже на

час времени.

– Ах, мама, как вы добры! – сказала Белл, вернувшись со своей сестрой с прогулки, чтобы надеть хорошенькие платья и потом отправиться на обед.

– Мама всегда добра, – сказала Лили, – я бы желала, мама, гораздо чаще делать для вас то же самое. – И с этими словами она поцеловала мать.

Сквайр был пунктуален насчет обеденного времени, и потому барышни оделись весьма торопливо и снова пошли по тому же саду, а мать провожала их до мостика.

– Ваш дядя не рассердился, что я не приду? – спросила мистрис Дейл.

– Мы его не видели, мама, – сказала Лили. – Мы были в поле и совсем забыли о времени.

– Судя по всему, дяди там не было, а то бы мы с ним встретились, – заметила Белл.

– А я, мама, право, сердита на вас. И ты Белл тоже, да? С вашей стороны очень дурно оставаться дома и не идти с нами вместе.

– Я думаю, для мамы приятнее сидеть в своей гостиной, чем в Большом доме, – сказала Белл с особенной нежностью, взяв мать за руку.

– Ну, прощайте, милые. Я буду ждать вас часам к десяти или одиннадцати. Впрочем, не торопитесь.

Сестры ушли, и вдова снова осталась одна. Дорожка от мостика шла прямо к заднему фасаду Большого дома, так

что мистрис Дейл минуты две смотрела вслед своим дочерям, почти бежавшим по дорожке. Она увидела, как развевались их платья на крутом повороте перед ступеньками на террасу. Мистрис Дейл не хотела идти дальше укромного уголка в лавровых деревьях, которые окружали ее, боясь, чтобы кто-нибудь не подсмотрел, как она следила за своими дочерьми. Но когда розовые кисейные платица скрылись из виду, ей стало жаль, что она не пошла вместе со своими девочками. Она стояла, не сделав ни шагу вперед. Ей не хотелось, чтобы Хопкинс рассказывал потом, как она глядела вслед своим дочерям, когда они шли из ее дома в дом сквайра. Ведь Хопкинс не в состоянии понять, зачем она следила за ними.

– Вы, мои милые, как видно, не очень торопились. Я думаю, и ваша мать могла бы прийти с вами, – сказал дядя Кристофер.

Такова была манера высказываться у этого человека. Зная свои предпочтения, он должен был бы признаться самому себе, что ему приятнее, когда мистрис Дейл остается дома, без нее он чувствовал себя за своим столом вполне господином и гораздо спокойнее. А между тем часто выражал сожаление, что она не пришла, и как будто верил в это сожаление.

– Я думаю, мама устала, – сказала Белл.

– Гм! Кажется, недалеко пройти от одного дома к другому. Если бы я каждый раз, когда устаю, запирался дома... Но ничего. Пойдемте обедать. Мистер Кросби, не угодно ли вам

сопроводить мою племянницу Лириану?

И потом, предложив свою руку Белл, сквайр отправился в столовую.

– Если он дальше будет бранить мою маму, я уйду, – сказала Лили своему спутнику. Из этого можно заключить, что в течение проведенного вместе утра молодые люди успели уже сблизиться.

Мистрис Дейл, постояв с минуту на мостике, вернулась домой к чаю. Не будем вдаваться в подробности о том, заменил ли этот чай бараньи котлеты и отварную ветчину или жареную утку и зеленый горох, которые имелись в доме для семейного обеда. Мы можем, однако же, заметить, что она села за вечернюю трапезу без особенного аппетита. Перед тем как сесть за стол, она взяла какую-то книгу, вероятно, какой-нибудь роман, потому что мистрис Дейл была еще в том возрасте, когда романы читаются не без удовольствия, и, прихлебывая чай, прочитала две-три страницы. Но вот книга кладется в сторону, поднос, на котором уже давно простыл горячий чай, остается забытым, мистрис Дейл садится в фамильное кресло и погружается в думы о себе, о дочерях и, вероятно, о том, какова была бы ее участь, если бы жил еще человек, которого она так горячо любила в течение немногих лет своего замужества.

Надо заметить, что постоянство в любви и ненависти было в натуре всех Дейлов. Любовь к ней мужа была самая искренняя, неизменная, так что покойный нередко ссорился

со своим братом, потому что последний не совсем по-братски выражался иногда насчет его жены. Много лет прошло с того времени, а между тем чувство это сохранилось в прежней своей силе. Приехав впервые в Оллингтон, мистрис Дейл старалась завоевать расположение сквайра, но вскоре узнала, что это невозможно, и у нее больше уже не было к тому желания. Мистрис Дейл не принадлежала к числу тех мягкосердечных женщин, которые благодарят Бога, что могут любить всякого. Тогда она могла бы еще полюбить сквайра, могла бы питать к нему тесную сестринскую дружбу, но теперь это сделать она не могла. Сквайр был холоден к ней и с каким-то настойчивым постоянством отклонял все ее попытки завоевать его расположение. Прошло вот уже семь лет, в течение которых мистрис Дейл была так же холодна к нему, как и он — к ней.

Все это весьма тяжело переносить. То, что ее дочери должны любить своего дядю, это было не только благоразумно, но и во всех отношениях желательно. К ним он не был холоден. Он был привязан к ним и великодушен. Не будь ее при них, он принял бы их в свой дом, как родных дочерей, и они, конечно, во всех отношениях стояли бы перед светом, как его приемные дети. Не лучше ли было бы, если бы ее при них не было?

Только в самом грустном настроении духа вопрос этот возникал в ее отвлеченных думах, но тогда она возвращалась к действительности и решительно, с негодованием отвечала

на него протестом против своей собственной болезненной слабости. Без нее дочерям ее не было бы хорошо, хотя бы дядя их был вдвое лучшим дядей, хотя бы они, благодаря ее отсутствию, могли сделаться наследницами Оллингтона. Неужели для них не дороже всего, не выше всего на свете находиться постоянно рядом с матерью? И когда она задавала себе этот вопрос, – задавала лукаво, как она признавалась себе, – неужели она не знала, что они любили ее больше и сильнее всего в мире, что они предпочли бы ее ласки и заботу покровительству всякого дяди, как бы ни был велик его дом? Да, они любили ее больше, чем целый мир. К другой любви, если бы она пробудилась в их сердцах, она не стала бы ревновать. И если эта любовь появится, если они станут счастливыми, а она сама тогда, быть может, насладится светлым вечером жизни. Если они выйдут замуж, и если их мужья примут ее любовь, дружбу и преданность, она бы еще могла избавиться от этой мертвенной холодности Большого дома и быть счастливой в каком-нибудь уютном коттедже, из которого временами выходила бы и навещала тех людей, которые действительно ей по душе. Недалеко от Оллингтона, в Гествике, жил доктор, о нем она часто думала как о человеке, который мог бы занять место зятя. Этот человек, по-видимому, нравился ее спокойной, прекрасной Белл, а он более чем старался со своей стороны понравиться ей. Но надежда эта, или, вернее, эта идея, несколько недель тому назад исчезла как сон. Мистрис Дейл никогда об этом не спрашивала

дочь, она была не такая женщина, чтобы задавать подобного рода вопросы. В течение двух последних месяцев она с сожалением увидела, что Белл почти с холодностью смотрела на человека, к которому ее мать благоволила.

В этих размышлениях прошел весь вечер, около одиннадцати часов она услышала приближающиеся к дому шаги. Молодые люди, разумеется, провожали барышень, и когда мистрис Дейл вышла из все еще открытых дверей гостиной, она увидела их всех посреди расстилавшейся перед домом лужайки.

– Вот и мама! – вскричала Лили. – Мама, мистер Кросби хочет поиграть в крикет при лунном свете.

– Мне кажется, теперь довольно темно, – сказала мистрис Дейл.

– Для него достаточно и этого освещения, – возразила Лили. – Ведь он играет без обручей, не правда ли, мистер Кросби?

– Мне кажется, для крикета довольно светло, – отвечал мистер Кросби, взглянув на луну. – И притом было бы нелепо ложиться спать теперь.

– Да, ваша правда, – сказала Лили. – Но ведь, вы знаете, в деревне все люди нелепые. Бильярд, на котором можно играть целую ночь при газовом освещении, гораздо лучше, не правда ли?

– Ваши стрелы, мисс Дейл, далеко не попадают в цель, потому что я в жизни не брал кия в руки. Вам бы лучше

поговорить о бильярде с вашим кузеном.

– А разве Бернард большой охотник до этой игры? – спросила Белл.

– Да, иногда играю, изредка, не чаще, чем Кросби играет в крикет. Ну, Кросби, пойдем домой и выкурим по сигаре.

– И прекрасно, – сказала Лили. – А мы, деревенские жители, отправимся спать. Мама, я бы желала, чтобы у нас была небольшая курительная комнатка. Я не хочу, чтобы нас считали нелепыми.

С этими словами партия разделилась – дамы вошли в дом, а кавалеры отправились обратно через лужайку.

– Лили, душа моя, – сказала мистрис Дейл, когда все они собрались в спальне. – Мне кажется, что ты очень строго обходишься с мистером Кросби.

– Она так обходилась с ним весь вечер, – заметила Белл.

– На том основании, что считала себя в кругу очень хороших друзей.

– Да, очень-очень хороших! – подхватила Белл.

– Послушай, Белл, ты ревнуешь, это точно. – И потом, заметив, что сестра ее слегка обиделась, Лили подошла и поцеловала ее: – Нет, кажется, она не ревнует, не правда ли, мама?

– Не думаю, что она заслужила, чтобы о ней так говорили, – сказала мистрис Дейл.

– Но ты же не думаешь, что я действительно имела в виду что-то подобное, – сказала Лили. – Всякий лютик занимает

меня больше, чем мистер Кросби.

– И меня тоже, Лили.

– Ну уж нет. Впрочем, мама, он у меня не выходит из головы. Он так похож на Аполлона. Я всегда буду называть его Аполлоном: Phoebus Apollo!¹³ И когда я буду рисовать его портрет, то вместо лука дам ему в руки моллет. Признаюсь, я очень обязана Бернарду, что он привез его сюда, и, право, не хотела бы, чтобы он уехал отсюда послезавтра.

– Послезавтра! – сказала мистрис Дейл. – На два дня не стоило и приезжать...

– Действительно не стоило. Приехать сюда, чтобы нарушить наши мирные, спокойные занятия, не дать даже времени сосчитать лучи его сияния.

– Впрочем, он говорит, что еще раз приедет сюда, – заметила Белл.

– Да, нам еще остается надежда на его возвращение, – сказала Лили. – Дядя Кристофер просил его приехать, когда получит более продолжительный отпуск. А ведь теперь он здесь за короткое время. Ему легче достаются отпуска, чем бедному Джонни Имсу. Джонни может отлучиться только на месяц, а мистер Кросби на два, и притом – когда вздумается, и вообще он, кажется, располагает своим временем круглый год.

– Дядя Кристофер приглашал его в сентябре – на охоту, –

¹³ Феб Аполлон! (*лат.*) Феб – прозвище Аполлона, означающее «лучезарный», «сияющий».

сказала Белл.

– Да, и хотя он не сказал, что приедет, но мне кажется, у него было это на уме, – возразила Лили. – Вот, мама, есть еще надежда для нас.

– Тогда тебе придется нарисовать Аполлона с ружьем вместо моллета.

– А это весьма нехорошо, мама. Мы мало будем видеть и его, и Бернарда. Они ведь не возьмут нас в лес вместо загонщиков.

– Ты будешь много кричать и поэтому будешь бесполезна.

– В самом деле? Я думала, что загонщики должны кричать и вспугивать птиц. Я бы очень устала, если бы пришлось все кричать, а потому, думаю, лучше оставаться дома и заниматься шитьем.

– Я надеюсь, что он приедет, дядя Кристофер, как видно, очень его любит, – сказала Белл.

– Желала бы я знать, понравится ли его приезд одному джентльмену в Гествике, – заметила Лили и тотчас же взглянула на сестру: она увидела, что слова ее были неприятны.

– Лили, ты слишком невоздержанна на язык, – сказала мистрис Дейл.

– Ведь я пошутила, Белл, извини, пожалуйста.

– Ничего, – сказала Белл. – Только все же Лили часто говорит, не подумав.

Разговор прекратился, и ничего больше не было сказано, кроме нескольких слов о туалете и обыкновенных жела-

ний, выражаемых при прощении. Лили и Белл занимали одну комнату, и, когда дверь этой комнаты затворилась за ними, Белл с некоторым воодушевлением намекнула на предшествовавший разговор:

– Лили, ты обещала мне не говорить ни слова о докторе Крофтсе.

– Знаю, душа моя, и знаю также, что я очень виновата. Прости меня, Белл, впредь этого не повторится, разумеется, если можно будет удержаться.

– Если можно будет удержаться, Лили?

– Не знаю, право, почему я не должна говорить о нем, конечно, не в насмешку. Из всех мужчин, которых я видела в жизни, он нравится мне больше всех. Если бы я не любила тебя больше, чем люблю себя, я бы тебе позавидовала.

– Лили, что ты обещала мне сейчас?

– Хорошо, начну исполнять обещание с утра. Не знаю, почему ты так холодно обращаешься с ним.

– Я никогда не обращалась с ним холодно.

– Разве это не видно? А он между тем готов отдать левую руку, если ты только улыбнешься ему, и также правую руку – о, как бы мне хотелось увидеть это на самом деле! Ты слышишь, Белл?

– Слышу, что ты говоришь пустяки.

– Как бы я желала увидеть это! Мама тоже желает. Я уверена, хоть и не слышала от нее об этом ни слова. В моих глазах это – красавец мужчина, каких я не видела. Как мож-

но сравнить его с мистером Аполлоном Кросби! Но судя по всему, тебе неприятно, и теперь я не скажу о нем ни слова.

Когда Белл пожелала сестре доброй ночи, быть может, с большею, против обыкновенного, любовью, заметно было, что слова и язвительный тон Лили понравились ей, несмотря на обещание, которого она требовала от сестры: Лили все это видела и знала.

Глава IV. Квартиры и квартиранты мистрис Ропер

Я говорил, что с Джонни Имсом, кроме матери, никто не обращался ласково, но этим я ни под каким видом не думал сказать, что у Джонни Имса не было друзей. Есть класс молодых людей, которых никто не балует, но тем не менее они могут пользоваться уважением и, может, даже любовью. Они не являются в свет подобно Аполлонам и вовсе не блистают, сберегая блеск, который могли бы показать, для целей внутреннего самосовершенствования. Такие молодые люди часто бывают стеснены, неловки в обращении, не имеют уверенной осанки и походки, они стараются, но совладать с собой не могут, за пределами круга близких знакомых или товарищей чрезвычайно застенчивы, а нужные слова, как нарочно, нескоро приходят им на ум. Общественные собрания – для них период тяжелого испытания, всякое появление в обществе расстраивает их нервы. Они любят быть одни и краснеют, когда с ними заговорит женщина. Они еще не мужчины, хотя лета их и дают право на это звание, но и не мальчики: свет обыкновенно называет их юношами.

Наблюдения, которые я имел возможность сделать по этому поводу, привела меня к убеждению, что юноша, во всяком случае, представляет собой прекраснейший вид челове-

ческой расы. Сравнивая неразвитого юношу двадцати одного или двадцати двух лет с каким-нибудь законченным Аполлоном того же возраста, я смотрю на первого как на плод недоспелый, а на последнего как на плод почти переспелый. Отсюда возникает вопрос об этих двух плодах. Какой из них лучше: тот ли, который поспеваает рано, созреванию которого, быть может, способствовали какие-нибудь вспомогательные средства, предположим даже, хоть теплота стены, обращенной на полуденную сторону, или плод, который поспеваает медленнее, над которым трудится сама природа без всякой посторонней помощи, на который солнце действует в свое время, а может, и совсем не действует, если его заслоняет непрозрачный предмет, бросая на плод холодную тень? Общество, без всякого сомнения, расположено в пользу вспомогательных средств. Плод действительно созревает, и притом в известное время. Он чистенький, гладенький, без пятнышка, без крапинки и известного качества. Владелец этих качеств может воспользоваться ими, когда вздумается. Несмотря на это, по моему мнению, наибольшую благодать солнечных лучей получают другие плоды, – получают в наиболее подходящее время, если только не будет неблагоприятной тени. Мне нравится вкус естественно созревшего плода – нравится, быть может, потому, что он получен без постороннего вмешательства.

Впрочем, робкий юноша, хоть и краснеет, когда с ним говорят женщины, и бывает неловок рядом с ними, и пусть на

балу он чувствует, что руки и ноги ему не вполне подчиняются, и этот юноша не может произнести правильных слов, но он в своем естественном поведении – наиболее красноречивое создание, в особенности рядом с хорошенькими женщинами. Он наслаждается всеми радостями Дон Жуана, но без той бессердечности, которой отличался настоящий Дон Жуан. При его остроумии и мягком голосе, ему предоставляется возможность выходить победителем из всякого положения. Но красноречие робкого юноши звучит только в его собственных ушах, и эти победы существуют только в его воображении.

Истинно робкий юноша предпочитает одиночество, он не стремится стать частью общества, даже состоящего из подобных ему скромных молодых людей. На эту особенную черту в его характере едва ли кто обращал должное внимание. Он, по всей вероятности, стал таким, а не Аполлоном потому, что обстоятельства не давали ему случая столкнуться с обществом, и он остается в одиночестве, предпринимает продолжительные прогулки, в которых мечтает о подвигах и победах, которые ему не по силам. В поле, с тросточкой в руке, он становится весьма красноречивым, когда сбивает тросточкой верхушки летних трав и энергично упражняется в ораторском искусстве. Таким образом он дает пищу своим мечтам, которым его близкие и знакомые не придают особого значения, и бессознательно готовит себя к окончательному периоду зрелости, если только этому не помешает небла-

городно действующая тень.

С подобными юношами почти никто не обращается ласково, кроме разве матери, таким юношей был и Джонни Имс, когда его отправили из Гествика, чтобы он начал общественную жизнь в обширном помещении одного присутственного места в Лондоне. Мы можем сказать, что около него не было ни одного молодого Аполлона. Но все же он был не без друзей – друзей, желавших ему всего хорошего и заботившихся о его благополучии. У него была сестра, которая от души его любила и вовсе не подозревала в нем незрелого юношу – вероятно, потому, что сама была того же возраста и находилась в тех же отношениях к обществу. Мистрис Имс, их мать, была вдова, которая проживала в небольшом домике в Гествике, а ее муж в течение своих земных дней считался задушевным приятелем нашего сквайра. Это был человек, испытавший много несчастий, он начал земное свое поприще в изобилии, а кончил в нищете. Все свои дни он прожил в Гествике и, арендуя большой участок земли, убил много денег на опыты по части сельского хозяйства, а впоследствии занимал небольшой дом на самом краю города и умер там года за два до начала нашей истории. Ни с кем другим не находился мистер Дейл в таких дружеских отношениях, как с Имсом. Когда мистер Имс скончался, мистер Дейл добровольно принял на себя обязанности его душеприказчика и опекуна его детей. Он устроил Джонни Имса на место государственного служащего, которое молодой человек и зани-

мал в нынешнее время.

Мистрис Имс тоже всегда очень тепло относилась с мистрис Дейл. Сквайр не питал особенного расположения к мистрис Имс, которая вышла замуж не за юнца, а за человека, которому было уже за сорок лет, и потому рано осталась вдовой. Своей привязанностью к этой бедной одинокой женщине мистрис Дейл старалась компенсировать ту холодность и то равнодушие, которые встречала в Большом доме. Мистрис Имс действительно была бедная, одинокая женщина, забытая даже при жизни мужа и убитая горем теперь, в своем вдовстве. В некоторых более или менее серьезных случаях сквайр проявлял участие к ней: устраивал ее нехитрые денежные дела, давал советы насчет дома и дохода и, наконец, хлопотал об устройстве ее сына, но вообще при встрече с ней был весьма холоден и даже груб, так что бедная мистрис Имс всегда смотрела на него со страхом. Мистрис Дейл, напротив, не боялась сквайра и иногда давала гествикской вдове советы, далеко не согласовавшиеся с понятиями сквайра. При таких отношениях той и другой стороны возникла дружба между Белл, Лили и молодым Имсом, та и другая сестрица постепенно склонялась к тому, чтобы объявить Джонни Имса своим любимым другом. Но все же они говорили о нем редко и даже с некоторой насмешкой, что очень обыкновенно в хорошеньких девушках, у которых в числе друзей есть неловкие юноши и которые привыкли уже к ослепительному сиянию Аполлона.

Здесь я должен сказать, что Джонни Имс, приехав в Лондон, был серьезно и навсегда влюблен в Лили Дейл. Он сотни раз и в самых трогательных выражениях объяснялся в своей страсти, но только самому себе. Он написал множество стихотворений и поэтических посланий к Лили и хранил их под двойным замком. Давая полную волю воображению, он надеялся, что своими стихами мог бы одержать победу не только над Лили, но и над целым светом, и в то же время был бы готов скорее погибнуть, чем представить их человеческому глазу. В течение последних десяти недель своей жизни в Гествике, во время приготовления к лондонской карьере, Джонни часто заглядывал в Оллингтон, ходил туда пешком, возвращался тем же способом назад, и все напрасно. Во время этих прогулок он отдыхал в гостиной мистрис Дейл, говорил очень мало и в разговоре обращался всегда к одной матери, а между тем каждый раз, отправляясь в дальнюю прогулку под знойными лучами солнца, он давал себе обещание непременно сказать несколько слов, по которым Лили могла бы догадаться, что он ее любит. При отъезде в Лондон слова эти остались невысказанными.

Джон Имс не помышлял еще просить руки Лили. Он только начинал делать робкие шаги в самостоятельной жизни с восьмьюдесятью фунтами стерлингов в год жалованья и добавочными двадцатью фунтами из кошелька своей матери. Он очень хорошо понимал, что женатому человеку с такими средствами невозможно жить в Лондоне, и, кроме того, в

глубине души сознавал, что человек, которому выпадет счастье жениться на Лили, должен готовиться обеспечивать ей самые роскошные условия из всех возможных. Он знал, что ему нельзя ожидать уверения в любви со стороны Лили, но, несмотря на то, считал возможным передать ей свое уверение. Конечно, такое уверение было бы напрасно. Луч истинной надежды только тогда и озарял его, когда он находился в поэтическом настроении духа. Он признавался самому себе, хотя и не совсем решительно, что перестал быть юношей, – неразвязным, молчаливым, незанимательным, с наружностью, как говорится, еще недошедшею или недоспелюю. Джонни все это знал, как знал также, что в мире есть Аполлоны, которые того и гляди, что увезут Лили в своих блестящих колесницах. Тем не менее, однако же, он решил для себя, что, полюбив Лили однажды, должен был, как подобает истинному джентльмену, любить ее по гроб.

На прощание он сказал ей несколько слов, но в этих словах скорее выражалась дружба, а не любовь. Оставив Белл одну в гостиной, он вышел за Лили на лужайку. Может, Лили понимала чувства юноши и на прощание хотела поговорить с ним ласково, даже более чем ласково. Любовь бывает иногда молчалива, но женщины умеют распознавать ее и умеют так же безмолвно и вместе с тем очаровательно благодарить за то уважение, которым она сопровождается.

– Я пришел проститься, Лили, – сказал Джон Имс, настигнув Лили на одной из садовых дорожек.

– Прощайте, Джон, – сказала Лили, оглянувшись. – Вы знаете, как нам грустно расставаться с вами. Но что делать: вам необходимо ехать в Лондон, для вас это великое дело.

– Правда... да... я полагаю, но я бы охотно согласился оставаться здесь.

– Как можно! Остаться здесь и ничего не делать!? Нет, вы бы не остались.

– Разумеется, я хочу заняться чем-нибудь. Я хочу сказать...

– Вы хотите сказать, что грустно расставаться со старыми друзьями? Уверяю вас, при разлуке с вами мы все это чувствуем сами. Но у вас будет иногда и свободное время, и тогда у нас появится возможность увидеться с вами.

– Конечно, и тогда мы увидимся. Я думаю, Лили, мне приятнее было бы, чем с кем-нибудь, увидеться с вами.

– Ах нет, Джон. А наша мать, наша сестра?

– Да, правда, мать и сестра. Но я приду сюда в самый первый день моего приезда, – разумеется, если это вам будет приятно.

– Нам всегда приятно вас видеть. Вы это знаете. Итак, милый Джон, желаю, чтобы вы были счастливы.

Слова эти произнесены были таким тоном, который совсем опрокинул бедного Джонни, или, вернее сказать, поставил его на ноги и заставил его говорить, но впоследствии сила этого тона ослабела и утратила могущество.

– Вы мне этого желаете? – говорил он, держа ее руку в

своей руке в течение нескольких счастливых секунд. – Позвольте же и мне пожелать вам быть вечно счастливыми. Прощайте, Лили.

Джонни Имс оставил ее и вернулся в гостиную. Лили продолжала прогулку между деревьями и кустарниками и оказалась в доме спустя полчаса. Скажите, много ли найдется девушек, имеющих такого обожателя, – который не в состоянии высказать им более того, что высказал Джонни Имс, и который никогда не высказывает более? А между тем, когда, спустя много лет они вздумают припомнить имена всех, кто их любил, имя этого неловкого юноши будет едва ли не первым.

Это прощание состоялось почти два года тому назад, Лили Дейл была тогда семнадцать лет. После этого Джон Имс только раз приезжал домой в течение четырехнедельного отпуска и часто посещал Оллингтон. Но он никогда не старался воспользоваться тем случаем, о котором я рассказал. Ему казалось, что Лили была холоднее к нему, чем в былые дни, да и сам он сделался перед ней застенчивее прежнего. Он заметил как-то, что осенью опять приедет в Гествик, но, говоря по совести, Лили Дейл вовсе не обратила на это внимания, как будто ей было все равно, приедет он или не приедет. Девицы в девятнадцать лет мало обращают внимания на обожателей – юношей двадцати одного года, если только юноша этот не представляет собой плода, особенно спелого благодаря действию поливочной системы или особому поло-

жению близ южной стены.

Любовь Джона Имса по-прежнему была искренна и горяча, она оживлялась и поддерживалась поэзией и откровенностью перед товарищем, таким же чиновником, как он сам, Впрочем, не думайте, что в течение этих двух лет он оставался сентиментальным, мечтательным любовником. Может, было бы лучше, если бы он взял на себя подобную роль. Со всем не то было на самом деле. Джон Имс бросил уже флейту, на которой до отъезда из Гествика научился выдувать три плачевные ноты, а на пятое или шестое воскресенье окончательно бросил одинокие прогулки по берегу канала, проходящего по Риджентс-парку¹⁴. Мечтать об отсутствующем предмете любви, бесспорно, очень приятно, но если пройти мили две по пустому берегу, мечтание это становится монотонным – мысли уносятся в сторону Тетушки Салли¹⁵, Креморнских садов¹⁶ и финансовых вопросов. Не думаю, чтобы в это время какая-нибудь девушка осталась довольна настроением своего обожателя, если бы она видела все, что проис-

¹⁴ Риджентс-канал – судоходный канал, ответвляющийся от Темзы и ведущий на север. Частично проходит по западной окраине Риджентс-парка – популярно парку для прогулок в историческом центре Лондона.

¹⁵ Английская народная игра, популярная в то время на ярмарках, в парках и на курортах. Суть игры в бросании твердых мячиков в куклу или фанерную фигуру, именуемую Тетушка Салли. У каждого игрока есть шесть попыток, чтобы метким броском выбить курительную трубку изо рта Тетушки.

¹⁶ Небольшие по сравнению с Риджентс-парком сады на северном берегу Темзы, также популярное в Лондоне место для прогулок.

ходило в его душе.

– А что, Кодль, трудно попасть в клуб?

Вопрос был задан в одну из воскресных прогулок Джоном Имсом близкому приятелю, собрату чиновнику, настоящее имя которого было Кредль, и который друзьями был прозван Кодлем.

– Попасть в клуб? Фишер в нашем отделении состоит членом какого-то клуба.

– Он член шахматного клуба. Но я говорю о настоящем клубе.

– О клубе аристократов или записных франтов, как, например, Вест-Энд! – сказал Кредль, почти теряясь в изумлении от такого желания своего приятеля.

– Зачем Вест-Энд? Я не знаю, что может выиграть человек, слывя за записного франта. Но согласись, в доме мистрис Ропер ужасно скучно.

Мистрис Ропер, надо сказать, была респектабельная леди, содержавшая в Буртон-Кресцент отдельные квартиры, она была отрекомендована мистрис Имс с отличной стороны в то время, когда последняя старалась приискать для сына спокойный и безопасный приют в семейном доме. Первый год своего пребывания в Лондоне Джон Имс жил совершенно одиноким в отдельной квартире, а результатами этой жизни было неудобство, одиночество – и увы! – значительный долг, падавший тяжелым бременем на бедную вдову. На второй год более спокойный и безопасный образ жизни оказывал-

ся необходимым. Мистрис Имс узнала, что мистрис Кредль, вдова адвоката, определив своего сына в управление по сбору податей, отдала его за попечение мистрис Ропер, и мистрис Имс, с множеством материнских просьб и увещаний, поручила своего сынка тому же самому попечению и надзору.

– А насчет посещения церкви? – спрашивала мистрис Имс.

– Ну уж, не знаю, мама, усмотрю ли за этим, – добросовестно отвечала мистрис Ропер. – Вы сами знаете, что молодые люди в этом случае не любят принуждения.

– Все же, мне кажется, они должны помнить про церковь, – возразила мать, озабоченная новым образом жизни, в которой сыну ее предоставлялась полная свобода действовать по собственному усмотрению.

– Разумеется, мама. Те, которые приучены к этому в молодости, будут сами исполнять этот долг без всякого принуждения.

– Ах, он приучен к этому, мистрис Ропер, уверяю вас. И пожалуйста, не давайте ему запасного ключа от дверей на улицу.

– Как же я сделаю, если все они требуют его?

– Он не будет требовать, если вы скажете, что я этого не желала.

Мистрис Ропер согласилась, и Джонни Имс оставлен был на ее попечение. Он спросил запасный ключ, но мистрис Ро-

пер отвечала, что ей не приказано выдавать. Но под влиянием философии Кредля он снова потребовал ключ и на этот раз получил. Мистрис Ропер всегда гордилась тем, что ее слова не расходились с делами, не понимая, что кто угодно мог бы справедливо потребовать от нее более этого. Она отдала Джонни Имсу ключ, что, без сомнения, намерена была сделать гораздо раньше, мистрис Ропер хорошо знала свет и понимала, что молодые люди без запасного ключа не будут у нее жить.

– А я думал, что тебе веселее с той поры, как приехала сюда Эмилия, – сказал Кредль.

– Эмилия! Что мне за дело до Эмилии? Кажется, Кодль, я тебе доверил все мои тайны, и после этого ты еще можешь говорить мне об Эмилии Ропер?

– Ну, что ж такое, Джонни... – Кредль всегда называл его Джонни, и это название перешло с ним в место его служения. Даже Эмилия Ропер не раз называла его этим именем. Однажды вечером ты так был любезен с ней, как будто Лили Дейл не было и на свете.

Джонни Имс отвернулся и покачал головой. Несмотря на это слова приятеля как-то приятно прозвучали в его ушах. Характер Дон Жуана имел свою прелесть в его воображении, ему приятно было, что можно доставить удовольствие Эмилии Ропер пустыми, но звучными фразами, тогда как сердце оставалось верным Лилиане Дейл. И то еще надо заметить, что пустые фразы чаще говорила Эмилия, чем он.

Мистрис Ропер была совершенно так же благородна, как ее слово, когда говорила мистрис Имс, что ее семейство состояло из нее, сына, служившего в конторе какого-то поверенного¹⁷, из старушки кузины, по имени мисс Спрюз, квартировавшей у нее, и мистера Кредля. Прекрасная Эмилия не жила еще с ней, и характер ее беседы с мистрис Имс никоим образом не налагал на нее обязанности сообщать мистрис Имс, что эта молоденькая барышня, по всей вероятности, придет к ней в дом с наступающей зимой. Впоследствии она приняла к себе в качестве квартирантов мистера и мистрис Люпекс, так что дом мистрис Ропер сделался совершенно полным.

Надо также сказать, что Джонни Имс в минуту откровенности доверял Кредлю тайну второй, более слабой, своей страсти к Эмилии.

– Славная девушка, чертовски славная девушка! – говорил Джонни Имс, используя выражения, которым он выучился уже после того, как оставил Оллингтон и Гествик.

В свою очередь и мистер Кредль был почитателем прекрасного пола, и увы, как беспристрастный рассказчик я должен объявить, что в нынешнюю минуту предметом его почитания являлась мистрис Люпекс. Разумеется, при этом у него вовсе не было цели оскорбить мистера Люпекса – человека, который занимался расписыванием декораций и хоро-

¹⁷ Поверенный – адвокат, оказывающий посреднические услуги в различных делах, не обязательно судебных.

шо знал свет. Мистер Кредль восхищался мистрис Люпекс не как обыкновенный смертный, но как любитель и знаток всего прекрасного.

– Клянусь небом, Джонни, как хороша эта женщина! – говорил он, когда в одно прекрасное утро оба молодых человека отправлялись на службу.

– Да, женщина видная.

– Я думаю! Сколько я понимаю в формах, – продолжал Кредль, – так эта женщина почти верх совершенства. Какой торс у нее!

Из этого выражения, а также из факта, что формы и вид мистрис Люпекс зависели весьма много от корсета и кринолина, можно, кажется, догадаться, что мистер Кредль очень мало понимал в формах.

– Мне кажется, что у нее не совсем прямой нос, – заметил Джонни Имс.

И действительно, нос мистрис Люпекс был кривоват. Это был длинный тонкий нос, который по мере того, как выдавался вперед, заметно уклонялся в левую сторону.

– Я не столько обращаю внимание на лицо, сколько на всю фигуру, – сказал Кредль. – И опять, у мистрис Люпекс прекрасные глаза, очаровательные глаза.

– К тому же она отлично знает, как использовать их в деле.

– Почему же и нет. Наконец, у нее такие чудесные волосы.

– Только по утрам она никогда их не причесывает.

– А ты знаешь, мне очень нравится этот род неопрятно-

сти, – сказал Кредль. – Излишняя забота о внешности часто служит во вред.

– Все же, по моему мнению, женщина должна быть опрятна.

– Ну, можно ли подобные слова применять к такому созданию, как мистрис Люпекс! Я называю ее роскошной женщиной. Как очаровательна она была вчера вечером! Знаешь ли, мне кажется, что Люпекс обходится с ней чрезвычайно скверно. Вчера она сказала мне слова два, что... – И Кредль не договорил. Бывают секреты, которых мужчина не доверяет даже задушевному другу.

– А я думаю совсем иначе.

– Как иначе?

– А так, что Люпексу самому весьма часто достается от мистрис Люпекс. Звук ее голоса иногда производит во мне дрожь.

– Мне нравится женщина с энергией, – сказал Кредль.

– Мне тоже нравится. Но энергия хороша в своем месте. Эмилия сказывала мне... ты только, пожалуйста, никому не говори.

– Разумеется.

– Она сказывала, что Люпекс иногда бывает вынужден убежать от нее. Он бежит в театр и остается там по два, по три дня кряду. Тогда она отправляется за ним, и ссорам в доме не бывает конца.

– Дело в том, что он пьет, – сказал Кредль. – Ей-богу, мне

всегда жаль женщину, у которой муж пьяница, особенно такую женщину, как мистрис Люпекс!

– Берегись, мой друг! Смотри, чтоб не попасть в западню.

– Не беспокойся, я знаю что делаю, из-за хорошенькой женщины я не намерен потерять головы.

– А сердце?

– Сердце! У меня нет такой вещи. Я смотрю на женщину, как на картину или бюст. Разумеется, когда-нибудь женюсь и я, потому что мужчины женятся, но все же у меня нет намерения пропадать за женщину!

– А я бы десять раз пропал за...

– За Лили Дейл, – досказал Кредль.

– Да. Я все-таки знаю, что мне не видать ее, как своих ушей. Я веселый малый, люблю посмеяться, но скажу тебе, Кодль, что выйди она замуж, и тогда все со мной кончится, решительно все.

– Уж не думаешь ли ты перерезать себе горло?

– Нет, этого я не сделаю. Ничего подобного не сделаю, а все-таки я не жилец тогда на этом свете.

– Ты поедешь туда в октябре, почему бы не сделать ей предложения?

– С девяноста фунтами в год?! (Признательное отечество ежегодно увеличивало жалованье Джонни на пять фунтов стерлингов.) С девяноста фунтами жалованья и двадцатью, которые получаю от матери!

– Она, я думаю, подождет. Я бы, право, сделал предложе-

ние. Любить девушку и оставаться в таком положении невыносимо тяжело.

– Еще бы! – сказал Джонни Имс.

В это время они подошли к дверям управления сбора податей, и каждый отправился к своей конторке.

Из этого небольшого разговора можно себе представить, что хотя мистрис Ропер была человеком слова, но не той, кого мистрис Имс желала бы избрать ангелом-хранителем для своего сына. Впрочем, сказать по правде, для вдовьих сынков не так-то легко найти в Лондоне ангелов-хранителей за сорок фунтов стерлингов в год, выплачиваемых по частям, раз в квартал. Мистрис Ропер была несколько не хуже других женщин ее сорта. Она предпочитала респектабельных квартирантов нереспектабельным, если бы только могла найти таких в то время, когда они требовались. Мистер и мистрис Люпекс едва ли подходили под этот разряд, и когда мистрис Ропер отдавала им просторную спальню с окнами на улицу за сто фунтов в год, она знала, что сделала нехорошо. Она беспокоилась также о своей дочери Эмилии, которой перевалило уже за тридцать лет. Эмилия была очень умная молодая женщина, занимавшая до этой поры должность первой молоденькой леди в одном модном магазине в Манчестере. Мистрис Ропер знала, что мистрис Имс и мистрис Кредль не захотели бы, чтобы сыновья их сблизились с ее дочерью. Но что же станете делать? Не могла же она отказать в приюте родной дочери, а между тем сердце ее чуяло что-то недоб-

рое, когда она увидела, что ее Эмилия кокетничает с молодым Имсом.

– Я хочу, Эмилия, чтобы ты поменьше говорила с тем молодым человеком.

– Что с вами, мама?

– Да, я этого требую. Если ты будешь так себя вести, то лишишь меня обоих жильцов.

– Так себя вести? Да если джентльмен заговорит со мной, то неужели я должна молчать? Сделайте одолжение, я знаю как вести себя.

И она вздернула подбородок.

А мать замолчала, она боялась своей дочери.

Глава V. О Лилиане Дейл

Аполлон Кросби выехал из Лондона в Оллингтон 31 августа, намереваясь провести там четыре недели, с тем чтобы подкрепить силы двухмесячным отдыхом от служебных забот, остальное время из тех двух месяцев еще не было распланировано. Приглашения как знаки гостеприимства приходили мистеру Кросби дюжинами. Двери леди Хартльтон в Шропшейре были открыты для него во всякое время, графиня Де Курси¹⁸ приглашала его присоединиться к ее свите в замке Курси. Его особенно близкий друг, Монгомери Доббс, имел поместье в Шотландии, где собралась партия любителей кататься на яхтах и где Кросби оказался бы очень желанным гостем. Но мистер Кросби никому не дал твердого обещания приехать и, оставляя Лондон, он не имел ни одного обязательства кроме как посетить Оллингтон. Первого октября мы также окажемся находиться в Оллингентоне вместе с Джонни Имсом, и Аполлон Кросби будет там – разумеется, ни в коем случае не к удовольствию нашего приятеля из управления сбора податей.

Джонни Имса нельзя назвать невезучим в отношении его

¹⁸ Графиня Де Курси – персонаж, фигурирующий в серии из шести романов Э. Троллопа под общим названием «Барсетширские хроники». Сюжетные линии этих книг частично пересекаются. Роман «Малый дом в Оллингентоне» является пятым романом серии.

каникул, ему позволено было уехать из Лондона в октябре месяце, в течение которого не многим хотелось бы признаться, что остаются в городе. Со своей стороны, я предпочитаю май, как лучшее время для вакаций, но ни один лондонец не захочет выехать из Лондона в мае месяце. Молодой Имс хотя и жил в Буртор-Кресценте и не имел еще никакой связи с Вест-Эндром, но, как говорится, выучил уже свой урок по этой части.

– Эти господа в большом зале хотят, чтобы я взял май, – говорил он своему другу Кредлю. – Пора бы, кажется, им перестать думать, что я новичок.

– Это скверно, – заметил Кредль. – Можно ли просить человека, чтобы он взял отпуск в мае? Я бы никогда этого не сделал... и, более того, никогда не сделаю. Я обратился бы прежде в совет.

Имс избавился от этой необходимости и успел получить отпуск на октябрь, который из всех месяцев ценился чрезвычайно дорого для каникулярных целей.

– Завтра вечером я отправляюсь с почтовым поездом, – говорил Джонни Эмили Ропер накануне отъезда.

В эту минуту он сидел один с Эмилией в дальней гостиной мистрис Ропер. В главной гостиной Кредль беседовал с мистрис Люпекс, вместе с ними сидела мисс Спрюз, и потому, надо полагать, мистеру Люпексу не представлялось ни малейшего повода к ревности.

– Да, – сказала Эмилия. – Я понимаю, с каким нетерпе-

нием вы ожидаете минуты, когда отправитесь в это очаровательное местечко. Нельзя и ожидать, чтобы вы, торопясь туда, промедлили хоть один часочек в Буртон-Кресценте.

Эмилия Ропер была высокая, хорошо сложенная молодая женщина, с черными волосами и черными глазами, не красавица, потому что имела толстый нос и тяжелую нижнюю челюсть, но несмотря на это не лишенная некоторой женской привлекательности. Глаза ее сияли, но вместе с тем в них светилось и лукавство. Она умела довольно приятно говорить и весьма неприятно браниться, умела иногда притворяться кроткой голубкой с гладенькими перьями, но иногда перья эти взъерошивались, и голубка принимала грозный вид ястреба. Я совсем было приготовился сказать, что Джонни Имс старался держать себя как можно дальше от Эмилии Ропер, но известно, что молодые люди делают иногда такие вещи, которые бы не следовало!

– Пробыв двенадцать месяцев в Лондоне, я думаю, всякому приятно повидаться с близкими сердцу, – сказал Джонни.

– С близкими сердцу, мистер Имс! Кто же эти близкие? Вы думаете, я не знаю?

– Да нет. Думаю, что не знаете.

– Л.Д.! – сказала Эмилия, показывая, что о Лили говорено было между молодыми людьми, которым Лили никогда бы не позволила услышать свое имя. Но, может, в Буртон-Кресценте только и были известны эти две заглавные буквы. Самый тон голоса, которым они были произнесены, ясно пока-

зывал, что Эмилия сомневалась даже в действительности их существования.

– Л.с.д. Люблю свои деньги, – сказал Джонни, разыгрывая роль остроумного, веселого молодого повесы. – В этой аббревиатуре заключается вся моя любовь: фунты, шиллинги и пенсы. И как недоступна избранница моего сердца!¹⁹

– Перестаньте, сэр. Пожалуйста, не говорите мне такого вздора. Как будто я не знаю, кому принадлежит ваше сердце. И какое право имели вы говорить мне, что любили какую-нибудь Л.Д. там, в провинции.

В защиту бедного Джонни Имса надо сказать, что он никогда не имел с Эмилией таких разговоров, которые бы давали повод употреблять подобного рода выражения. Но дело в том, что он написал ей роковую записку, о которой мы будем говорить в скором времени, а это хуже всяких разговоров.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Джонни. Но этот смех был принужденный, вызванный не без усилия.

– Смейтесь, смейтесь! Для вас это смешно. Мужчине легко смеяться при подобных обстоятельствах – это доказывает, что у него вовсе нет сердца или вместо сердца лежит в груди камень. Я знаю, что некоторые мужчины сделаны целиком из камня – их не тревожат никакие чувства.

¹⁹ В оригинале романа игра слов построена на созвучии между L.D. и L.S.D. Второе обычно пишется как Lsd – сокращенное обозначение британской денежной системы, доставшейся в наследство от Римской империи: либра (фунт серебра), солид, денарий. Впоследствии эти единицы стали называться «фунт, шиллинг, пенс».

– Чего же вы хотите от меня? Вы делаете вид, как будто все знаете, и с моей стороны было бы неучтиво не сделать вам возражения.

– Чего я хочу? Вы знаете очень хорошо, чего я хочу, или, лучше сказать, я ничего не хочу. И что мне такое Л.Д.? Ровно ничего. Вы можете ехать в Оллингтон и делать, что вам угодно. Только мне противны поступки подобного рода.

– Какие поступки, Эмилия?

– Какие поступки! Послушайте, Джонни, я не позволю никакому мужчине делать из меня дурочку. Когда я приехала сюда три месяца тому назад... и, право, лучше бы мне не приезжать... – Эмилия сделала паузу в ожидании от Джонни какой-нибудь нежности, но так как нежность эта не проявилась, то пришлось продолжать: – Когда я приехала домой, то не надеялась встретить во всем Лондоне мужчину, который бы мог заставить меня думать о нем, – решительно не надеялась. Теперь вы уезжаете отсюда и не хотите сказать мне ласкового слова.

При этом Эмилия вынула из кармана носовой платок.

– Что могу я сказать вам, если вы все это время браните меня?

– Браню вас! Я браню вас! Нет, Джонни, я и не думала бранить вас. Если между нами все должно кончиться, скажите слово, и я оставлю этот дом до вашего возвращения. У меня нет от вас секретов. Я могу вернуться к моему ремеслу в Манчестер, хотя оно далеко не соответствует моему

происхождению, не соответствует моему воспитанию. Если Л.Д. для вас дороже, чем я, я не буду преграждать вам путь. Скажите только одно слово.

Если Л.Д. дороже ему, чем Эмилия Ропер? Вдесятеро дороже! Л.Д. была для него все, а Эмилия Ропер меньше, чем ничто. Все это он чувствовал в эту минуту, всеми силами старался заручиться достаточным количеством мужества, чтобы выйти из неприятного положения.

– Скажите слово, – повторила она, вставая с места. – И все между вами и мной будет кончено. Я получила ваше обещание, но не захочу этим воспользоваться. Если Эмилия Ропер не заняла вашего сердца, она не захочет принять вашей руки. Я только жду вашего ответа.

Казалось, что ему предлагали самый легкий способ отделаться, но такая леди, как Эмилия, вероятно, знала, что предлагаемый ею способ не мог быть легким для такого мужчины, как Джонни Имс.

– Эмилия, – сказал он, оставаясь на месте.

– Что прикажете, сэр?

– Вы знаете, я вас люблю.

– А что вы скажете насчет Л.Д.?

– Если вам угодно верить всякому вздору, который наскочит Кредль, то я помочь ничем не могу. Если вам угодно ревновать меня к двум буквам, то вина не моя.

– Так вы меня любите? – спросила она.

– Без сомнения, люблю.

Выслушав эти слова, Эмилия бросилась в объятия Джонни.

По всей вероятности, мисс Спрюз видела эту сцену, потому что двери в соседнюю комнату были не совсем закрыты и она сидела как раз напротив них. Но мисс Спрюз была молчаливая старая леди, в ней трудно стало вызвать чувство удивления или восхищения, а так как она прожила с мистрис Ропер более двенадцати лет, то, весьма вероятно, хорошо ознакомилась с манерой поведения ее дочери.

– И вы будете верны мне? – спросила Эмилия в минуту объятия. – Верны мне навсегда?

– О, да, тут не может быть и сомнения, – отвечал Джонни Имс.

Эмилия освободила его из объятия и вместе с ним вышла в гостиную.

– Как я рада, мистер Имс, что вы пришли сюда, – сказала мистрис Люпекс. – Здесь мистер Кредль говорит такие странные вещи.

– Странные вещи?! – возразил Кредль. – Мисс Спрюз, обращаясь к вам, говорил ли я что-нибудь странное?

– Если и говорили, сэр, то я не заметила, – отвечала мисс Спрюз.

– А я заметила, – сказала мистрис Люпекс. – Холостому человеку, как мистер Кредль, нет никакой надобности знать, носит ли одна замужняя леди чепчик или ходит с непокрытой головой. Как вы думаете мистер Имс?

– Право, не знаю, – отвечал Джонни.

– Да и нельзя вам знать, – продолжала замужняя леди. – Нам всем известно, на чем сосредоточено ваше внимание. Если вам придется надеть чепчик, то кто-нибудь очень скоро заметит разницу, – не правда ли, мисс Спрюз?

– Совершенная правда, – отвечала мисс Спрюз.

– Если б я могла казаться в чепчике такой же хорошенькой, как вы, мистрис Люпекс, я бы завтра же его надела, – сказала Эмилия, не хотевшая в нынешнюю минуту ссориться с замужней леди. Бывали, однако же, случаи, при которых мистрис Люпекс и мисс Ропер были далеко не так любезны друг к другу.

– А вашему мужу нравятся чепчики? – спросил Кредль.

– Ему все равно, если бы я носила на голове вместо чепчика шлем с куриными перьями, даже если бы я совсем не носила головы. Вот что значит быть замужем. Советую вам, мисс Ропер, остаться в нынешнем своем положении, хотя бы от этого и сокрушалось чье-нибудь сердце. Не правда ли, мисс Спрюз?

– О, что касается меня, то я уже старая женщина, вы знаете, – сказала мисс Спрюз, и это была совершенная правда.

– И я, право, не вижу, что выигрывает женщина через замужество, – продолжала мистрис Люпекс. – Мужчина – дело другое, он выигрывает все. Он один знает, как ему жить, пока не приищет женщину, которая бы ему помогала.

– А разве любовь у нас не ценится? – спросил Кредль.

– Любовь! Я не верю в нее. Мне казалось, что я когда-то любила, но что же из этого вышло? И теперь вот мистер Имс – мы все знаем, что он влюблен.

– Во мне чувство это весьма естественно, мистрис Люпекс. Я родился, чтобы любить, – сказал Джонни.

– И вот также мисс Ропер, хотя так свободно и не следовало бы говорить о барышне, но почему же не допустить, что и она влюблена.

– Говорите, пожалуйста, о себе, мистрис Люпекс, – сказала Эмилия.

– Мне кажется, я ничего худого не сказала. Напротив, если вы не влюблены, то у вас весьма черствое сердце, если бы явился человек с искренней любовью к вам, я уверена, вы бы его не оттолкнули от себя. Ах Боже мой, кажется, это шаги Люпекса? Что может принести его домой в такую пору? Если он пьян, то, наверно, явится сердитый, как зверь.

Мистрис Люпекс вышла в другую комнату, и приятная беседа прервалась.

Нельзя не сказать, что ни мистрис Кредль, ни мистрис Имс не поместили бы своих сыновей в Буртон-Кресценте, если бы знали, каким опасностям подвергались молодые люди. Тот и другой были ветрены, и при этом каждый из них ясно видел ветренность другого. Не далее как за неделю Кредль весьма серьезно предостерегал своего молодого друга против хитростей мисс Ропер.

– Ей-богу, Джонни, ты запутаешься с этой девчонкой.

– Надо же когда-нибудь испытать и это удовольствие, – сказал Джонни.

– Да, но, пожалуй, можно дойти до того, что потом и не выпутаешься. Я не понимаю, где ты был и в своем ли уме, давая письменное обещание жениться на ней?

Бедный Джонни не отвечал на это тотчас, хотя Эмилия действительно владела таким документом.

– Где я был? – спросил Джон. – Конечно, в числе нарушающих обещание.

– Или в числе жертв брачного союза. Мне кажется, что если ты дал такое обещание, то должен его выполнить.

– Может, и выполню, – сказал Джонни. – Впрочем, не знаю. Надо еще подумать, что человеку следует делать в подобном случае.

– Однако между вами ничего такого не было?

– О нет!

– Окажись я на твоём месте, Джонни, я бы её бросил. Оно, конечно, интрига – вещь приятная, но вместе с тем и опасная. Ну, что стало бы теперь с тобой, если бы такая особа была твоей женой?

Таковы были предостережения Кредля, которые он давал своему другу. В свою очередь, Имс, отправляясь в Оллингтон, отвечал приятелю тем же участием. Они вместе отправились на станцию железной дороги, и там, прохаживаясь взад и вперед по платформе, Джонни предлагал свой совет:

– Послушай, Кредль, дружище, ведь ты наживешь себе

хлопот с этой мистрис Люпекс, если не остережешься.

– Я буду осторожен. Поверь, что нет ничего безопаснее, как маленькая интрига с замужней женщиной. Разумеется, ты не думай, между ней и мной нет ничего такого.

– Я вовсе об этом не думаю. Но она постоянно говорит, что муж ее ревнив, а если он расходится, то может выйти скверная история.

Кредль, однако же, думал, что тут не было ни малейшей опасности. Его любовь к мистрис Люпекс была чисто платоническая и беспорочная. Что касается того, чтобы зайти далеко в этой интриге, его правила, как он уверял своего приятеля, были слишком благородны. Мистрис Люпекс была женщина с талантом, ее, казалось, никто не понимал, и потому он находил некоторое удовольствие в изучении ее характера. Да, это было одно лишь изучение характера, и больше ничего. Друзья разлучились, и вечерний поезд увез Имса в Гествик.

Незачем подробно рассказывать, как мать встретила его в четыре часа утра, как радовалось материнское сердце при виде его улучшившейся походки, при виде мужественности, которую придавали ему бакенбарды. Многие черты, присущие незрелым юношам уже исчезли у него, и даже сама Лили Дейл признала бы, по всей вероятности, что он уже не мальчик. Все, конечно, было бы хорошо, если бы только он, отбросив от себя все ребяческое, усвоил что-нибудь другое, лучше ребяческого...

В самый первый день своего приезда Джонни отправился в Оллингтон. На этот раз он шел туда не пешком, как это случилось в былые счастливые дни. Ему пришла мысль, что неприлично было бы явиться в гостиную мистрис Дейл с дорожной пылью на сапогах и следами солнечного зноя на лице. Поэтому он нанял лошадь и поехал верхом, немало гордясь шпорами, купленными на Пикадилли²⁰, и лайковыми перчатками, только что с иголки. Но увы! Я боюсь, что два года, проведенные в Лондоне, не сделали особенных улучшений в Джонни Имсе, а между тем мне нужно сознаться, что Джонни Имс один из героев моего рассказа.

При входе в гостиную мистрис Дейл Джонни застал хозяйку дома и ее старшую дочь. Лили в эту минуту не было, и Джонни, поздоровавшись, разумеется, спросил о ней.

– Она в саду, – сказала Белл. – Она придет сию минуту.

– Лили пошла с мистером Кросби в Большой дом, – заметила мистрис Дейл. – Но она там не останется. Она обрадуется вашему приезду, Джонни. Мы все ждали вас сегодня.

– В самом деле? – спросил Джонни, сердце которого при имени мистера Кросби будто обдали ледяной водой.

С той минуты, когда приятели расстались на платформе железной дороги, Джонни мечтал об одной Лилиане Дейл, и уверяю всех леди, которым вздумается прочитать мою повесть, что искренность его любви к Лили не сбросила с себя ни одного перышка в течение этой не совсем непорочной

²⁰ Одна из самых широких и оживленных улиц старого Лондона.

связи между ним и мисс Ропер. Я боюсь, что мне не поверят, но это было так. Сердце Джонни постоянно принадлежало Лили, хотя он и позволил такому созданию, как Эмилия Ропер, вытянуть из себя признание в любви. Всю ночь и все утро он мечтал о встрече с Лили – и вот теперь слышит, что она одна провожает малознакомого джентльмена. Он слышал, что мистер Кросби был весьма важный человек и притом отличающийся светским лоском, но больше этого он ничего о нем не знал. Почему же мистеру Кросби позволялось совершать прогулки с мисс Лили Дейл? И почему мистрис Дейл говорит об этом как о деле весьма обыкновенном? Тут была какая-то тайна, которая, однако ж, разъяснилась очень скоро.

– Я уверена, что Лили не рассердится, если я скажу такому близкому другу, как вы, что она помолвлена, – сказала мистрис Дейл. – Она выходит замуж за мистера Кросби.

Приток ледяной воды, которым обдало сердце Джонни, теперь затопил его голову и отнял дар речи. Лили Дейл объявлена невестой, она выходит замуж за мистера Кросби! Джонни знал, что ему следовало бы сказать что-нибудь при таком известии, знал, что несколько секунд молчания выдавали его тайну сидевшим перед ним двум женщинам – тайну, которую теперь надлежало бы скрыть от целого мира. А между тем он не мог говорить.

– Мы все весьма довольны этой партией, – сказала мистрис Дейл, желая пощадить молодого человека.

– Ничего не может быть прекраснее союза с мистером Кросби, – прибавила Белл. – Мы часто говорили о вас, и он будет рад познакомиться с вами.

– Ему теперь не до меня, – сказал Джонни, и даже теперь при этих ничего не выражающих словах – словах, которые он произнес потому, что нужно же было что-нибудь сказать, – его голос звучал не как обычно, странно. Он отдал бы весь мир, чтобы в этот момент иметь самообладание, но чувствовал себя совершенно подавленным.

– А вон и Лили идет по лужайке, – сказала мистрис Дейл.

– Так я лучше уеду, – сказал Имс. – Не говорите ничего обо мне, прошу вас.

И Джонни, не ожидая ответа, ушел из гостиной.

Глава VI. Прелестные дни

Я знаю, что до сих пор не обрисовал еще наружность Белл и Лилианы Дейл, как знаю и то, что, чем дольше буду откладывать это описание, тем более встретится трудностей. Я бы желал, чтобы читатели без всякого описания поняли, что это были две хорошенькие блондинки, из коих Белл выше ростом и красивее, а Лили – чуть менее красива, чем сестра, но зато, возможно, более привлекательна.

Это были блондинки, похожие одна на другую, их портрет у меня перед глазами, но я боюсь, что не в состоянии передать читателям верную копию. Рост каждой – несколько менее обыкновенного, стройный стан, тонкая талия. Лили – пониже, но разница так ничтожна, что если смотреть на них отдельно, то она незаметна. Упомянув, что Белл была красивее, я, может, выразился бы вернее, если бы просто сказал, что ее черты правильнее, чем у сестры. Обе девочки были до того светленькие, что самый легкий румянец, разбавлявший белизну их лица, оставался едва заметен. Но этот румянец все-таки говорил об их здоровьи, тогда как совершенное его отсутствие свидетельствовало бы о нынешней или будущей болезни. Волосы сестер и по цвету, и по локонам выглядели так похоже, что никто, даже мать, не могла бы сказать, что в них есть какая-нибудь разница. Это были волосы не совсем льняного цвета, но все-таки очень светлые. Не подхо-

дили они и под определение «светло-каштановый», а между тем в них заметен был золотистый оттенок, придававший им особенный блеск. Впрочем, у Белл они были гуще, чем у Лили, и потому Лили постоянно жаловалась на свои локоны и постоянно восхищалась локонами сестры. Несмотря на это головка Лили казалась так же мила, как у сестры. Совершенство ее формы и простота прически, которую они носили, не требовали никаких дополнений. Глаза их были светло-голубые, но глаза Белл – продолговаты, кротки и нежны, так что она редко решалась поднять взгляд на чье-нибудь лицо, между тем как глаза Лили – круглее и светлее, и в них редко недоставало смелости смотреть, на что вздумается. Лицо Лили не имело такой идеальной овальной формы, как у сестры. Форма лба, мне кажется, – совершенно одинакова, а вот подбородок у Белл отличался большей правильностью и нежностью, зато он ничем другим не был отмечен, тогда как на подбородке сестры виднелась ямочка, которая вполне восполняла в красоте всякий другой его недостаток. Зубы Белл были ровнее, и потому, вероятно, она чаще их показывала. Губы ее были тоньше и, надо сказать, менее выразительны. Нос по своей красоте – более правильный, а нос Лили – несколько шире, чем следовало бы. Из всего этого можно заключить, что Белл считалась в семействе красавицей.

Впрочем, в общем впечатлении, производимом этими девушками, и во всей их наружности было что-то более одной красоты их лиц или грации их фигур. В обращении они про-

являли достоинство, чуждое всякой натянутости или гордости, и – девственную скромность без малейшего кокетства. Эти две девушки никогда не боялись мужчин – вернее, никогда не показывали вида, что боятся. Впрочем, я должен сказать, что не было и повода для подобного страха. Может, на долю которой-либо из них и выпадет дурное обращение мужчины, но отнюдь не оскорбление. Лили, как уже читатели, вероятно, заметили, была очень бойка и шаловлива, но в своих шалостях она держала себя так, что едва ли кто позволил бы себе забыть о дани уважения, ей полагающейся.

Теперь же, когда Лили Дейл объявлена невестой, дни ее шалостей должны кончиться. Приговор этот отзывается грустью, но он справедлив. А когда я думаю, что он справедлив, и вижу, что резвость, смех и игры девического возраста должны прекратиться, и что девушка должна навсегда распрощаться со всеми невинными удовольствиями этого возраста, мне невольно становится жаль, что прекрасный пол всегда так торопится с замужеством. К облегчению такого недуга, если только можно назвать его недугом, нет никакого средства. Впрочем, в этом недуге поспешность проявляется не собственно к супружеству, но к любви. А лишь только пробудится любовь, супружество становится почти неизбежным, и затем начало недуга.

Итак, Лили предстояло выйти замуж за Адольфа Кросби – за Аполлона Кросби, как она в шутку называла своего жениха, позволяя себе, впрочем, так шутить только наедине с со-

бой. Для нее он был действительно Аполлоном, каким должен быть любимый мужчина в глазах любящей его девушки. Он был красив, изящен, умен, уверен в себе и всегда весел, когда вызывали его на веселость. Бывали и у него серьезные минуты, и он умел говорить со своей невестой о предметах серьезных. Он читал для нее и объяснял вещи, которые до этой поры были слишком трудны для ее молодого понимания. Его голос был тоже очень приятен, и Кросби умел им управлять, голос этот был патетичен там, где требовался пафос, а иногда звучал таким смехом, как смех самой Лили. Неужели же подобный человек не способен быть Аполлоном для такой девушки, которая призналась самой себе, что любила его всей душой?

Она призналась в этом не только себе, но и ему – как, возможно, заметит читатель – нисколько не медля. Со своей стороны мы заметим, что в деле этом не требовалось особенной медленности. Этим делом восхищался весь свет. Когда Кросби в качестве друга Бернарда явился в Оллингтон, то в первые же дни, как это всем казалось, обратил на Белл особенное внимание. Белл, в свою очередь, скромно приняла его восхищение, не сказав, однако ж, никому ни слова и думая сама об этом очень мало. Сердце Лили было свободно в то время. Первая тень крыльев любви еще не пронеслась над ее непорочным сердцем. Совсем не то было с Белл – совсем не то было, в строгом смысле этого выражения. История Белл тоже должна быть рассказана, но не на этой стра-

нице. Прежде чем Кросби сделался близким знакомым, Белл для себя решила, что любовь, которую она питала, надо победить, уничтожить. Мы можем сказать, что она была побеждена и уничтожена и что Белл несколько бы не согрешила, выслушав признание и клятвы от этого нового Аполлона. Грустно подумать, что такой человек мог полюбить и ту и другую девушку, а между тем я должен признаться, это было действительно так. Аполлон, при полноте своего могущества, скоро изменил намерение, и прежде чем кончился его первый визит, перевел свою слабую преданность, в которой признавался, со старшей сестры на младшую. В качестве гостя сквайра он еще раз приехал в Оллингтон на более продолжительное время и к концу первого месяца своего пребывания был принят в Малом оллингтонском доме как будущий супруг Лили.

Надо было видеть и любоваться переменой обращения Белл к Кросби и к своей сестре, лишь только она заметила, как повернулось дело. И требовалось немного времени, чтобы заметить это, стоило только уловить первые проблески перемены в тот вечер, когда Лили и Белл обедали в Большом доме, оставив дома свою мать разбираться с горохом. В течение шести- или семинедельного отсутствия Кросби Белл откровеннее своей сестры говорила о нем. Она присутствовала при прощании с Кросби и слышала, с какой горячностью объявил он Лили, что снова возвратится в Оллингтон в скором времени. Лили выслушала слова мистера Кросби очень

спокойно, как будто они ее вовсе не касались, но Белл видела в них правду и, веря в Кросби как в истинно благородного человека, всегда отзывалась о нем с особенным чувством, стараясь поддержать склонность к любви, которая могла родиться в сердце Лили.

– Но ведь ты знаешь, он такой Аполлон, – говорила Лили.

– Я знаю, что он джентльмен.

– Разумеется, неджентльмен не может быть Аполлоном.

– И к тому же он очень умен.

– Я полагаю.

О том, что он ни более ни менее как клерк, не было и помину. В этом отношении Лили совершенно изменила свой образ мыслей. Джонни Имс тоже был клерк, между тем как Кросби если его и надо называть клерком, то он был клерк особенного рода. Между одним служащим и другим может быть огромная разница! Клерк Генерального комитета и клерк какого-нибудь прихода – две весьма разные особы. Лили крепко держалась этой мысли, всеми силами стараясь придать Кросби более высокое значение в правительственной службе.

– Я бы желала, чтобы он не приезжал, – говорила мистрис Дейл старшей дочери.

– Мне кажется, мама, вы ошибаетесь.

– Но если она полюбит его, а потом...

– Лили никогда не полюбит человека, если он не даст к тому должного повода. А если она нравится ему, то почему

бы им ни сблизиться?

– Она еще так молода, Белл.

– Ей девятнадцать лет, если они будут обручены, то год-другой могут подождать. Впрочем, мама, нехорошо говорить в этом духе. Если вы запретите Лили подавать ему надежды, она не будет с ним говорить.

– Я в это дело не собираюсь вмешиваться.

– И прекрасно, мама. Пускай оно идет своим чередом. Что до меня, то мне очень нравится мистер Кросби.

– Мне тоже, душа моя.

– И дяде он нравится. А я бы не хотела, чтобы Лили выбрала себе мужа не по нраву дяди.

– Ей так поступать не следует.

– Согласитесь, ведь очень важно, что ее выбор будет ему нравиться.

В таком роде бывали беседы между матерью и старшей дочерью. Но вот приехал мистер Кросби, и, не прошло и месяца, как он признался в любви к Лили, и это подтвердило предположения сестры. Сквайр сразу же объявил себя довольным этой партией, дав понять мистрис Дейл с обычной холодностью, что мистер Кросби – джентльмен, располагавший доходом весьма достаточным, чтобы жить семьянином.

– Его дохода едва ли будет достаточно для семейной жизни в Лондоне, – сказала мистрис Дейл.

– Он имеет больше, чем имел при женитьбе мой брат, – заметил сквайр.

– О, если бы только он мог доставить ей столько же счастья, сколько доставил мне ваш брат... хоть это счастье было так скоротечно! – проговорила мистрис Дейл, отвернувшись, чтобы скрыть слезы.

После этого между сквайром и его невесткой ничего больше не было сказано о будущем молодых людей. Сквайр не говорил ни слова о денежном вспомоществовании, даже не намекнул о своей готовности благословить молодых людей на новую жизнь, как следовало бы родному дяде сделать в подобном случае. Разумеется, и мистрис Дейл ничего не сказала по этому предмету. Сквайр ни под каким видом не хотел открывать мистрис Дейл своих намерений. Положение было неприятное, это понимала та и другая сторона.

Бернард Дейл все еще находился в Оллингтоне и оставался там во все время отсутствия Кросби. Все, что мистрис Дейл хотела бы высказать, вероятно, было бы ему высказано, если бы Бернард не оставался таким же замкнутым, как и дядя. Кросби по возвращении большую часть времени проводил с Бернардом, и, весьма естественно, между ними происходили откровенные разговоры о двух девушках, причем Кросби старался показать своему приятелю, что его расположение к Лили становится сильнее.

– Я полагаю, тебе известно желание моего дяди, чтобы я женился на старшей кузине, – говорил Бернард.

– Я уж давно догадался.

– И мне кажется, что брак наш состоится. Она милая де-

вушка и хороша без изъянов – прямо как золото.

– Да, правда.

– Без притворства скажу: я влюблен в нее. Притворяться не в моем характере. На днях, может, сделаю ей предложение и надеюсь, что оно будет принято. Сквайр твердо обещал мне восемьсот фунтов из доходов своего поместья и сверх того содержать нас в течение трех месяцев ежегодно, если мы этого пожелаем. Я твердо ему сказал, что меньше взять не могу, и он согласился.

– Ты, кажется, с ним в хороших отношениях.

– Еще бы! Между нами никогда не было пустых разговоров о родственной любви, долге и т. п. Мы понимаем друг друга, и этого достаточно. Он находит удовольствие быть в хороших отношениях со своим наследником, а я нахожу удовольствие быть в таких же отношениях с ним.

Думаю, следует признать, что в словах Бернарда Дейла было много здравого смысла.

– Что же он сделает для младшей сестры? – спросил Кросби. – При этом вопросе внимательный наблюдатель заметил бы в его голосе легкое волнение.

– Гм! Ничего не могу сказать тебе по этой части. На твоём месте я бы спросил его. Дядя мой – прямой человек и любит делать все напрямик.

– Нельзя, кажется, нельзя. Я уверен, однако же, что он ни под каким видом не отпустит ее с пустыми руками.

– И я так думаю. Однако помни, Кросби, я ничего не мо-

гу сказать тебе, на что ты должен рассчитывать. Лили тоже хороша, как золото, и если ты любишь ее, я на твоём месте спросил бы дядю, – так, знаешь, в нескольких словах, – что намерен он сделать для нее. Хотя это и послужит в ущерб моим интересам, потому что каждый шиллинг, который он подарит Лили, пойдет из моего кармана, но, ты знаешь, я не такой человек, чтобы думать об этом.

Не станем разбирать, какой был взгляд у Кросби на вещи подобного рода, но можем сказать, что для него решительно было все равно, из чьего бы кармана ни выходили деньги, лишь бы только попадали в его собственный. Когда Кросби вполне уверился в любви Лили, то есть когда получил от нее позволение объясниться с дядей и обещание Лили переговорить со своею матерью, он объявил сквайру свое намерение. Кросби сделал это откровенно и благородно, сделал как человек, который, требуя многого, предлагал со своей стороны тоже немалое.

– Ничего не могу сказать против этого, – отвечал сквайр.

– Я должен же, однако, получить ваше позволение жениться на ней.

– Зачем же, если на это согласны она и ее мать: я думаю, вам известно, что я не имею над ней никакой власти.

– Она не выйдет замуж без вашего благословения.

– Лили очень добра, если оказывает такое уважение дяде, – сказал сквайр, и слова его прозвучали в ушах Кросби леденящим холодом.

Кросби ничего еще не говорил о деньгах, боясь начать подобный разговор, как он сознавался в этом самому себе. «И какая была бы польза?» – думал он, желая извинить себя в том, что считал слабой стороной своего характера. Если сквайр и откажется дать ей какой-нибудь шиллинг, то, во всяком случае, я не могу теперь отступить от своего намерения. Потом у него мелькнула мысль о несправедливости положения мужчин в деле женитьбы. Без предварительного осведомления о состоянии невесты мужчина не должен бы делать предложения, но если он его сделал, то подобного рода осведомления бесполезны. Это размышление некоторым образом отравляло его счастье. Лили Дейл действительно очень мила, очень хороша, столько свежести в ее невинности, чистоте и живом уме. Никакое удовольствие не может быть восхитительнее любви к Лили Дейл. Ее ласковое обращение к нему, без всякой лести и натянутости, уносили Кросби на седьмое небо. «Вы можете быть уверены в этом, – говорила она. – Я вас люблю всем моим сердцем, всеми силами моей души». Как восхитительно! Но чем же они будут жить? Неужели ему, Адольфу Кросби, придется поселиться где-нибудь к северу от Новой Дороги²¹ как женатому человеку с восемьюстами фунтами годового дохода? Если сквайр будет так же добр к Лили, каким он обещал быть к Белл, то, может быть, дела устроятся сами собой.

²¹ То же, что Нью-роуд. Платная дорога, построенная через поля вокруг северных границ Лондона, первая часть ее открылась в 1756 году.

Для полноты счастья Лили ничего подобного не требовалось. Ее мысли о деньгах были очень туманны, но с тем вместе и очень основательны. Зная, что у нее их не было, она относилась к обязанности мужа найти, что окажется необходимым. Она знала, что у нее не было денег, и потому знала также, что ей не следует ожидать особенной роскоши в небольшом жилище, которое должно быть для нее приготовлено. Она надеялась, собственно, для своего мужа, что дядя сделает какое-нибудь вспомоществование, но в то же время вполне приготовилась доказать, что может быть доброй женой и бедного человека. Раньше, беседуя со своей сестрой об этом предмете, она всегда заявляла, что для поддержания любви необходимо небольшое состояние. Восемьсот фунтов стерлингов годового дохода считалось более чем достаточным для выполнения этого условия. Белл имела более сентиментальные понятия и отдавала предпочтение безусловной прелести нищеты. Она говорила, что в деле любви деньги не должны иметь никакого значения. Полюбив человека, она вышла бы замуж за него даже в том случае, если бы он вовсе не имел денег. Таковы были их мысли относительно денег. Лили была совершенно довольна своим взглядом на этот предмет.

В эти прелестные дни ничто не омрачало ее счастья. Мать и сестра Лили единодушно говорили, что она поступила прекрасно, что она счастлива в своем выборе и безукоризненно верна в своей любви. В тот день, когда Лили рассказала сво-

ей матери о своей любви, она блаженствовала от радости, с которой было принято ее признание.

– Ах, мама, я должна вам кое-что сообщить, – сказала она, войдя в спальню матери после продолжительной прогулки с мистером Кросби по оллингтонским полям.

– Верно, что-нибудь о мистере Кросби.

– Да, мама.

И потом все остальное было рассказано не столько словами, сколько нежными объятиями и счастливыми слезами.

В то время, когда Лили, прикинувшись личиком к плечу матери, изливала душу, в комнату вошла Белл и опустилась на колени подле Лили.

– Милая Лили, – говорила она, – если бы ты знала, как я рада!

Лили, вспомнив, что она похитила жениха у Белл, обвила руками ее шею и крепко поцеловала любимую сестру.

– Я знала ход всего этого дела с самого его начала, – сказала Белл. – Не правда ли мама?

– Я ничего не знала, – возразила Лили. – Мне думать об этом и в голову не приходило.

– А мы все знали... мама и я знали.

– Неужели? – спросила Лили.

– Белл говорила мне, что это непременно сбудется, – сказала мистрис Дейл. – Сначала, признаюсь, я не могла привыкнуть к мысли, что он достоин моей милой девочки.

– Ах, мама! Зачем вы это говорите? Он вполне достоин

всего на свете.

– Я буду считать его хорошим человеком.

– Да и кто бы мог быть лучше него! Особенно если вы представите себе все, от чего он должен отказаться для меня! Что же я могу сделать для него взамен? Что могу ему подарить?

Ни мистрис Дейл, ни Белл никак не могли согласиться с этим, думая, что Лили приносила ему в дар совершенно столько же, сколько от него получала. Впрочем, они обе уверяли, что Кросби во всех отношениях был прекраснейший человек, они знали, что подобными уверениями увеличивали счастье Лили, и Лили с ними была совершенно счастлива. Ее любви было оказано всякого рода поощрение, а сочувствие и одобрение матери и сестры служило пищей для ее нежной страсти.

Как некстати этот визит со стороны Джонни Имса! В то время, когда бедный молодой человек выбежал из гостиной, не дав даже времени сказать «прощайте», мистрис Дейл и Белл обменялись грустными взглядами, они ничего не могли придумать в оправдание такой поспешности, потому что Лили, перебежав через лужайку, стояла уже перед открытым окном.

– Мы подошли к окраине кустарников, – сказала она, – и услышали, что рядом находятся дядя Кристофер и Бернارد; я сказала Адольфу, чтобы шел к ним один.

– А как ты думаешь, кто был здесь? – спросила Белл.

Мистрис Дейл не сказала ни слова. Если бы было еще время немного подумать, то, может быть, в эту минуту не было бы и помину о визите Джонни.

– Неужели без меня кто-нибудь был? – спросила Лили. – Кто же это такой торопливый гость?

– Бедный Джонни Имс, – сказала Белл.

На лице Лили выступил яркий румянец, в один момент она вспомнила, что старый друг ее юных дней любил ее и что он, в свою очередь, имел надежды на ее любовь, и что теперь услышал вести, которые должны были разрушить эти надежды. Она все сообразила в один момент, как сообразила и то, что ей необходимо скрыть происходившее в ее душе.

– Милый Джонни! – сказала она. – Зачем же он не подождал меня?

– Мы сказали, что ты вышла, – отвечала мистрис Дейл. – Без сомнения, он скоро опять будет здесь.

– И он знает?

– Да, я объявила, думая, что ты не рассердишься на это.

– Нет, мама. Конечно, нет. И он уехал назад, в Гествик?

На этот вопрос не было ответа, да и вообще, после него о Джонни Имсе ничего больше не было сказано. Каждая из этих женщин вполне понимала, в чем дело, и каждая знала, что понятия других были совершенно одинаковы. Молодой человек был всеми ими любим, хоть и не той любовью, которая была теперь сосредоточена на мистере Кросби. Джонни Имс не мог быть принят в доме как молодой человек, ищущий

щий руки любимого в семействе создания. Мистрис Дейл и дочь ее Белл очень хорошо это знали. Они любили его за его любовь и за то спокойное, скромное уважение, которое удерживало его от выражения этого чувства. Бедный Джонни! Впрочем, он еще молод, он только что вышел из поры юношества и, следовательно, легко мог перенести этот удар. Так думают женщины о мужчине, который страдает от любви в молодые годы, и страдает напрасно.

Между тем Джонни Имс, возвращаясь в Гествик, забыв о шпорах и лайковых перчатках, засунутых в карман, он думал о своем положении совсем иначе. Он никогда не обещал себе успеха в любви своей к Лили и действительно всегда сознавался, что не мог иметь на это никакой надежды, но теперь, когда Лили обещана была другому, была невестой другого, он тем не менее сокрушался, что его прежние надежды не распространялись так далеко. Он никогда не решался говорить Лили о своей любви, в полной уверенности, что она знала это, и потому теперь не смел показаться перед ней как обличенный в напрасной любви. Потом он вспомнил о другой своей любви, вспомнил не без тех приятных размышлений, которым с таким удовольствием предавались донжуаны при созерцании своих успехов. «Положим, я женюсь на ней, и тогда конец со мной», – сказал он про себя, вспомнив короткую записочку, написанную им однажды в припадке сумасбродства. В доме мистрис Ропер был небольшой ужин, мистрис Люпекс и Эмилия готовили пунш. После ужина он

по какому-то случаю остался в столовой наедине с Эмилией, и тогда, разгоряченный щедрым богом²², признался в своей страсти, Эмилия печально покачала головой и побежала в верхние комнаты, решительно отвергнув его распростертые объятия. Но в тот же вечер, прежде чем голова Джонни склонилась на подушку, к нему пришла записочка, написанная тоном полусожаления, полулюбви и полуупрека. «Если вы поклянетесь мне, что ваша любовь честная и благородная, тогда, быть может, я еще... загляну в щелку дверей, чтоб показать, что я вас простила». Коварный карандаш лежал под рукой, и Джонни написал требуемые слова: «У меня единственная цель в жизни – называть вас моею навсегда». Эмилия сомневалась в ценности подобного обещания, потому что оно было написано не чернилами и в случае чего не могло служить доказательством. Сомнения были тяжкими, но несмотря на это она была верна своему слову и взглянула на Джонни в полуоткрытую дверь, простила его за пылкость, быть может, с большим милосердием, чем того требовало обыкновенное извинение. «Боже! как хороша она с распущенными волосами!» – сказал Джонни про себя, склонившись наконец на подушку и все еще разгоряченный дарами Бахуса. Но теперь, когда он, возвращаясь из Оллингтона в Гествик, вспомнил об этой ночи, распущенные волнистые локоны Эмилии потеряли для него всю свою прелесть. Он припомнил и Лили Дейл, когда она прощалась с ним на

²² То есть Бахусом, богом вина.

кануне его первого отъезда в Лондон. «Одну вас я только и желал бы видеть!» – сказал он и впоследствии часто вспоминал эти слова, старался разгадать, не приняла ли она их за большее, чем уверение в обыкновенной дружбе. Он припоминал даже платье, в которое она была одета в тот день. Это было старое коричневое мериновое²³ платье, которое знакомо было ему и прежде и которое, по правде сказать, ничего не имело в себе особенного, чтобы произвести впечатление. «Ужасное старье!» – вот приговор, который произносила над этим платьем сама Лили, даже раньше дня разлуки. Но в глазах Джонни оно было священо, он был бы счастливейшим человеком, получив лоскуток от него, чтобы носить на сердце как талисман. Как удивительна бывает страсть, о которой говорят мужчины, сознаваясь себе, что они влюблены. При одних условиях это самая грязная, при других – самая чистейшая вещь из всех вещей в мире. При этих различных условиях человек показывает себя или зверем или богом! Пусть же бедный Джонни Имс едет по своей дороге в Гествик, душевно страдая от сознания, что любовь его низка, и в то же время страдая не менее от того, что любовь его благородна.

В это время как Лили весело пробиралась между кустарниками, опираясь на руку своего жениха и беспрестанно заглядывая ему в лицо, она завидела еще издали дядю своего и Бернарда.

²³ То есть из шерстяной ткани. Меринос – особая порода овец.

– Стойте, – сказала она, нежно вынимая руку из-под руки Кросби, – я дальше не пойду. Дядя всегда надоедает мне своими обветшалыми островами, притом же я сегодня много гуляла. Не забудьте же, что завтра, перед отправлением на охоту, вы придете к маме.

И Лили вернулась домой.

Здесь будет кстати познакомить читателя с разговором, который происходил между дядей и племянником, во время их прогулки по широкой песчаной дорожке позади Большого дома.

– Бернад, – говорил старик, – я бы желал, чтобы дело между тобой и Белл было улажено.

– Разве требуется поспешность?

– Да, требуется, или, вернее сказать, я враг всякой поспешности, но есть основание поторопиться. Помни, однако же, что я тебя не принуждаю. Если тебе не нравится кузина, скажи.

– Она мне нравится, только я такого мнения, что дела подобного рода делаются постепенно. Я вполне разделяю вашу нелюбовь к поспешности.

– Теперь, однако же, прошло порядочно времени. Дело вот в чем, Бернад, я намерен пожертвовать для тебя большей долей моего годового дохода.

– Как нельзя более признателен вам.

– У меня нет детей, и поэтому я всегда считал тебя моим сыном. С другой стороны, я не вижу ни малейшей причины,

почему бы дочери моего брата Филиппа не быть так же близкой моему сердцу, как и сыну моего брата Орландо.

– Тут не может быть никого сомнения, даже обе дочери могут быть близкими к вашему сердцу.

– Бернард, предоставь мне судить об этом. Младшая сестра выходит замуж за твоего друга, который имеет достаточные средства для содержания своей жены, и потому, я думаю, невестка моя должна быть очень довольна этой партией. Ей не придется отделять какой-либо части от своего дохода, что она должна была бы сделать, если бы Лили выходила замуж за бедняка.

– Я полагаю, едва ли она в состоянии дать многое.

– Люди должны жить по средствам. Я не намерен выступить для них обеих вместо отца. Нет никакой причины к этому, и я не хочу поощрять ложные надежды. Я был бы совершенно доволен результатом своих действий, если бы знал, что дело твое с Белл улажено.

Из всего этого Бернарду следовало сделать вывод, что ожидания бедного Кросби относительно приданого от дяди не осуществляются. Он заметил также – или подумал, что заметил, – некоторую угрозу в словах дяди. Эти слова, по-видимому, выражали предостережение: «Я обещал тебе, когда женишься, восемьсот фунтов в год. Но если ты не примешь их немедленно или не дашь мне понять, что они будут приняты, то, может, намерение мое изменится, особенно теперь, когда выходит замуж другая невестка. Если я отделию тебе

с Белл такую большую часть моего дохода, то для Лили ничего нельзя будет сделать. Но если ты не хочешь жениться на Белл, тогда...» И так далее. Так по крайней мере объяснял себе Бернард слова своего дяди, прогуливаясь с ним по широкой песчаной дорожке.

– Я не хочу откладывать это дальше и немедленно сделаю предложение Белл, если вы желаете, – сказал Бернард.

– Если ты решился, то я не вижу для тебя причины медлить.

Разговор на этом кончился, дядя и племянник встретили своего будущего родственника с веселыми улыбками и ласковыми словами.

Глава VII. Начало забот и затруднений

Лили, как мы уже знаем, прощаясь в саду с женихом, настояла, чтобы он на другое утро, перед тем, как пойдет охотиться, навестил ее. Исполняя это повеление, мистер Кросби после чая появился на лужайке мистрис Дейл, сопровождаемый Бернардом и двумя собаками. Мужчины уже взяли с собой ружья и все охотничьи принадлежности, но случилось так, что раньше завтрака они не могли добраться до жнивья, находившегося в некотором расстоянии от дороги. Выходит, что для влюбленного человека крикет имеет едва ли не больше прелести, чем охота с ружьем.

Нам, пожалуй, заметят, что Бернард Дейл не был влюблен, но тот, кто выдвигает такое обвинение, ошибается. Бернард был влюблен в Белл согласно своему понятию о любви. Не в его натуре было любить Белл так, как Джонни Имс любил Лили, и поэтому он не был поставлен в такое затруднительное положение, в какое чарующие прелести Эмилии Ропер поставили нашего бедного клерка из управления сбора податей. Джонни, как говорится, был восприимчив, между тем как чувства капитана Дейла поддавались некоторому контролю. Его нельзя было присоединить к числу мужчин, которые сходили с ума от любимой девушки или умирали с

разбитым сердцем, но, несмотря на это, он, по всей вероятности, женившись, полюбил бы жену и был бы заботливым отцом своих детей.

Сейчас крепкие узы дружбы связывали этих четверых. Бернард и Адольф (иногда становившийся Аполлоном), Белл, Лили – все это так нравилось Кросби! Для него наступил новый период жизни, полный удовольствия, несмотря на то что иногда приходили минуты грустных раздумий. В это самое время Кросби делал то, чего в зрелом возрасте обещал себе никогда не делать. По составленному им заблаговременно плану жизни он всячески должен был избегать женитьбы и позволял себе считать ее событием, возможным только в таком случае, если оно будет сопровождаться обретением богатства и почестей, а невеста окажется красива. Но поскольку он не надеялся овладеть таким роскошным призом, то считал себя человеком, который до конца своей жизни должен господствовать в клубе Бофорт или иметь большое влияние в клубе Себрайт. Но теперь...

Дело в том, что он упал со своего пьедестала, был побежден серебристым голосом, милым остроумием и парой умеренно сияющих глаз. Он страстно полюбил Лили Дейл, обладая, по всей вероятности, более сильной способностью влюбляться, чем его друг, капитан Дейл, но стоило ли это того, чтобы принести себя в жертву? Этот-то вопрос и задавал себе Кросби в минуты грустных раздумий – задавал его вечером, когда ложился в постель, утром, когда просыпался

и брился, и иногда после обеда, когда сквайр бывал более обыкновенного прозаичен. В такие послеобеденные минуты он слушал мистера Дейла и в то же время мысленно упрекал себя. К чему он должен переносить это, он, Кросби, который служит в Генеральном комитете, Кросби, который никому не позволит принудить себя жить между Черинг-Кросс и отдаленным концом Бэйсватера? К чему он должен выслушивать нескончаемые истории такого человека, как сквайр Дейл? Если сквайр намерен наградить свою племянницу, тогда другое дело. Но сквайр не делал даже намека на подобные намерения, и Кросби сердился на себя, что не имел настолько присутствия духа, чтобы спросить о них.

Таким образом, течение любви у нашего Аполлона было не совсем гладко. Она доставляла ему удовольствие, когда он играл в крикет на лужайке или сидел в гостиной мистрис Дейл со всеми привилегиями нареченного жениха. Она также доставляла ему удовольствие, когда он сидел за бокалом красного вина, зная, что скоро подаст ему чашку кофе очаровательная девушка, которая почти бегом перебежала два сада, чтобы исполнить для него эту обязанность. Ничего не может быть приятнее этого, хотя бы человек, с которым так обходятся, и сознавал, что он похож на тельца, положенного на жертвенник, готового к закланию, с голубыми лентами на рогах и на шее. Кросби чувствовал, что он действительно похож на такого тельца, тем более что у него не доставало смелости спросить о состоянии будущей своей

жены. «Сегодня же вечером я выпытаю это от старого», – говорил он самому себе, застегивая поутру свои щегольские охотничьи штiblеты.

– Как хорош он в этих штiblетах, – говорила впоследствии Лили своей сестре, ничего не зная о мыслях, которые тревожили ее жениха в то время, когда он носил красивую обувь.

– Я полагаю, мы будем возвращаться этой же дорогой, – сказал Кросби, готовясь по окончании завтрака двинуться в путь к своим занятиям.

– Ну, не совсем! – отвечал Бернард. – Мы обойдем вокруг фермы Дарвеля и вернемся через ферму Груддока. А разве кузины не обедают сегодня в Большом доме?

Кузины отвечали отрицательно, прибавив, что они не намерены даже и вечером быть в Большом доме.

– В таком случае, если вы не хотите одеваться, то могли бы встретить нас у ворот Груддока, позади фермы. Мы будем там аккуратно в половине шестого.

– То есть мы должны быть там в половине шестого и прождать вас три четверти часа, – сказала Лили.

Предложение было принято несмотря на это, и кузины Бернарда охотно согласились его выполнить. Так устраиваются встречи между неприхотливыми жителями провинции. «Ворота на задворках фермера Груддока» – это как-то дурно звучит. В романе о таких местах не следовало бы говорить, но для молодых людей, стремившихся к предположенной це-

ли, эти задворки имели такую же прелесть, как тенистый столетний дуб в прогалине леса. Лили Дейл стремилась к своей цели, точно так же и Адольф Кросби, только его цель начинала помрачаться, как это случается со многими предметами в сей печальной юдоли. Для Лили все представлялось в розовом свете. Бернارد Дейл тоже горячо стремился к своей цели. В это утро он особенно близко стоял подле Белл на лужайке и думал, что, вероятно, она не отвергнет его любви, когда он признается в ней. И зачем ей отвергнуть? Счастлива должна, быть девушка, к платью которой пришьют восемьсот фунтов годового дохода!

– Послушай, Дейл, – сказал Кросби. В это время оба охотника, выходя с мест, где надеялись найти дичь, подошли к полю Груддока и прислонились к воротам. Кросби, пока они преодолевали последние две мили, не говорил ни слова, готовясь к следующему разговору. – Послушай, Дейл, твой дядя до сих пор не сказал мне ни слова о приданом Лили. Неужели он думает, что я намерен взять ее без ничего? Твой дядя – человек опытный, он знает...

– Я не буду говорить, опытен ли мой дядя или нет, но ты, Кросби, сам опытен. Лили, как тебе всегда было известно, ничего своего не имеет.

– Я не говорю о том, что есть у Лили. Я говорю о ее дяде. Я всегда был откровенен с ним и, влюбившись в твою кузину, тотчас объявил свои намерения.

– Тебе бы следовало спросить его, если ты считал подоб-

ный вопрос необходимым.

– Если считал подобный вопрос необходимым! Клянусь честью, ты, Бернард, удивительно невозмутимый человек.

– Послушай, Кросби, ты можешь говорить, что хочешь о моем дяде, но не должен говорить слова против Лили.

– Кто же намерен говорить что-нибудь против нее? Ты еще мало понимаешь меня, если не знаешь, что я больше твоего должен заботиться о защите ее имени от всяких нареканий, я считаю ее моей Лили.

– Я хотел только оказать, что всякое неудовольствие, которое ты можешь испытывать относительно ее приданого, ты должен обращать на моего дядю, а отнюдь не на семейство в Малом доме.

– Я очень хорошо это знаю.

– И хотя ты можешь говорить что угодно о моем дяде, но я не вижу причины, по которой бы его можно было обвинять.

– Он должен был сказать мне, на что Лили может рассчитывать!

– А если ей ни на что нельзя рассчитывать? Дядя мой, кажется, не обязан рассказывать всякому, что он не намерен дать своей племяннице какое-нибудь приданое. Да и в самом деле, почему ты полагаешь, что у него есть подобное намерение?

– А разве ты знаешь, что у него нет его? Ведь ты же сам почти уверил меня, что он даст денег своей племяннице.

– Кросби, нам необходимо понять друг друга в этом от-

ношении...

– Разве ты не уверял меня?

– Выслушай меня. Я не говорил тебе ни слова о намерениях дяди до тех пор, пока ты не сделал предложения Лили, с ведома всех нас. После этого, когда я уверился, что мое мнение по этому вопросу не может повлиять на твои действия, я сказал, что, может, дядя что-нибудь для нее сделает. Я сказал это потому, что так думал, и как твой друг я должен был высказать свое мнение во всяком деле, которое касается твоих интересов.

– А теперь ты изменил свое мнение?

– Да, изменил, но, весьма вероятно, без достаточного основания.

– Как это жестоко!

– Конечно, очень неприятно быть обманутым в своих ожиданиях, но ты не можешь сказать, что с тобой поступили неблагородно.

– И ты думаешь, что он ничего ей не даст?

– Ничего такого, что было бы для тебя очень важно.

– Неужели же я не могу сказать, что это жестоко? Я думаю, это чертовски жестоко. Придется отложить на время женитьбу.

– Почему ты сам не поговоришь с моим дядей?

– Поговорю, непременно. Сказать тебе правду, я ожидал от него лучшего, но, конечно, это были одни ожидания. Я откровенно ему выскажу все, и если он рассердится, тогда

придется мне оставить его дом, тем дело и кончится.

– Послушай, Кросби, не начинай разговора с намерением рассердить его. Мой дядя – человек незлой, но только очень упрям.

– Но ведь и я могу быть таким же упрямым, как он.

Разговор прекратился, и друзья пошли по полю, засеянному репой, сетуя на счастье, не пославшее им случая набить дичи. Бывают иногда такие минуты настроения души, в которые человек не в состоянии ни ездить верхом, ни охотиться, ни делать верные удары на бильярде, ни помнить карты в висте, – в точно таком настроении находились Кросби и Дейл после разговора у ворот.

Несмотря на свою пунктуальность они опоздали на место свидания минут на пятнадцать, девицы явились раньше их. Разумеется, первые осведомления были сделаны о дичи, и, тоже разумеется, джентльмены отвечали, что птицы теперь меньше, чем бывало прежде, что собаки сделались какими-то дикими и что счастье охотников было невыносимо дурно. На все эти доводы, конечно, не было обращено ни малейшего внимания. Лили и Белл пришли не за тем, чтобы узнать о числе убитых куропаток, и, право, простили бы охотникам, если бы те не убили даже ни одной птицы, но они не могли простить недостатка веселости, который был очевиден.

– Не знаю, что с вами сделалось, – сказала Лили своему жениху.

– Выходили больше пятнадцати миль и...

– Я никогда не знала людей изнеженнее вас, лондонских джентльменов. Пятнадцать миль! Для дяди Кристофера это ничто!

– Дядя Кристофер выткан из более суровой материи, чем мы, – отвечал Кросби. – Такие люди появлялись на свет лет шестьдесят или семьдесят тому назад.

И молодые люди пошли через поле Груддока, через пастбища оллингтонской усадьбы к Большому дому, где сквайр стоял на площадке переднего подъезда.

Прогулка совсем не принесла тех удовольствий, которые обещала, когда только намечалась. Кросби старался вернуть свое счастливое настроение духа, но старания его оставались безуспешны. Лили, замечая, что ее нареченный ведет себя совсем не так, как ему следовало бы, сделалась необыкновенно унылой и молчаливой. Бернارد и Белл не разделяли этого уныния, впрочем, Бернارد и Белл, по обыкновению, всегда предавались молчанию более, чем другая пара.

– Дядя, – сказала Лили, – эти господа ничего не застрелили, и вследствие этого вы не можете себе представить, какими они кажутся несчастными. Всему виной эти негодные куропатки.

– Куропаток у нас много, только надо уметь их выследить, – сказал сквайр.

– Виноваты собаки, которые ужасно горячатся, – сказал Кросби.

– При мне они не горячатся, – заметил сквайр. – Не горячатся они и при Дингльсе. – Дингльс был главный егермейстер и смотритель дичи. – Дело в том, молодые люди, вы, верно, хотите, чтобы собаки исполняли за вас всю работу. Для вас, я вижу, большого труда стоит походить да поискать хорошенько дичи. Однако, мои милые, вы опоздаете к обеде, если не поторопитесь.

– Сегодня вечером мы не будем у вас, – сказала Белл.

– Почему же?

– Потому что мы намерены остаться с мамой.

– А почему бы вашей матери не прийти вместе с вами?

Пусть меня высекут, если я понимаю причину ее отсутствия. Другой бы подумал, что при нынешних обстоятельствах она будет рада видеть вас всех вместе как можно чаще.

– Мы, кажется, видимся довольно часто, – сказала Лили, – что же касается мамы, то я полагаю, она считает...

И Лили остановилась, встретив умоляющий взгляд своей сестры Белл. Она приготовилась с негодованием принести какое-то извинение, которое должно было пробудить гнев в ее дяде. Лили имела обыкновение говорить сквайру резкие слова, и потому он не питал к ней такого расположения, как к ее молчаливой и более рассудительной сестре. Теперь сквайр быстро повернулся и пошел в дом, а за ним последовали и молодые джентльмены, выразив на скорую руку обыкновенные прощальные приветствия. Две сестрицы пошли по дорожке, ведущей через маленький мостик, вполне сознавая,

что прогулка не доставила того удовольствия, которого они ожидали.

– Тебе, Лили, не следовало бы раздражать его, – сказала Белл.

– А ему не следовало бы отзываться таким образом о нашей маме. Мне кажется, Белл, ты вообще не обращаешь внимания на его слова.

– Ах, Лили!

– Это верно. Они меня всегда так сердят, что я не могу удержаться от дерзостей. Неужели же мама должна идти туда, собственно, для того, чтобы угодить его капризам?

– Поверь, Лили, что мама знает не хуже нашего, что ей нужно делать. Характером она несколько не слабее дяди Кристофера и, право, никому не позволит себя обидеть. Но, Лили, неужели ты полагаешь, что я несколько не думаю о нашей маме? Я знаю, ты не хотела упрекнуть меня в этом?

– Разумеется, я и не думала.

В это время сестры присоединились к своей матери в маленьком владении, но мы обратимся к мужчинам, возвратившимся в Большой дом после охоты.

На Кросби, во время его переодевания к обеду, опять напала меланхолия, о которой я уже говорил. Неужели ему в самом деле предстояло разрушить то, что он создал в течение прошедших лет своей жизни, сопровождаемой успехами до сей поры? Или, задавая себе вопрос более строгий, он спрашивал себя: не разрушил ли он уже этим делом все

свои успехи? Его женитьба на Лили, к счастью или несчастью, была делом решенным, не допускавшим ни малейшего сомнения. Отдавая дань справедливости этому человеку, я должен сказать, что в подобные минуты душевной пытки он всеми силами старался считать Лили неоценимым сокровищем, посланным ему судьбой, сокровищем, которое должно вознаградить его в предстоящем бедствии. А бедствие становилось все более и более очевидным. Ему предстояло отказаться от клубов, от моды, от всего, что он приобрел, что обратилось для него в привычку, и довольствоваться скучной, обыденной жизнью семьянина, с восемьюстами фунтами годового дохода, в небольшом доме, полном ребятишек. Это не тот земной рай и блаженство, которые он обещал себе в будущем. Лили хороша, даже очень хороша. По его словам: «Это была девушка такая милая, какой он в жизни не видел». Что бы там ни случилось, думал он, ее счастье должно служить для него предметом первой заботы и попечений. Что касается него самого, он начинал бояться, что вознаграждения этого едва ли будет достаточно. «Что ж такое, ведь это же я сам сделал, – говорил он про себя, намереваясь быть более благородным в своем монологе. – Я сам себя приучил ко всему этому, и очень глупо. Разумеется, я должен страдать, и страдать страшным образом. Она, конечно, никогда об этом не узнает. Милое, очаровательное, невинное создание!» И потом он начал думать о сквайре как о человеке, к которому считал себя вправе питать полное негодова-

ние вследствие своего бескорыстного и благородного поведения в отношении к его племяннице. «Но все же я дам ему знать, как я понимаю эти вещи, – говорил Кросби. – Дейлу хорошо говорить, что со мной поступили благородно. Хорошее же благородство – пристроить племянницу с помощью обмана. Я был уверен, что он наградит ее».

Наконец, самым твердым образом решив для себя не покидать Лили после обещания жениться на ней, Кросби старался найти утешение в мысли, что может, во всяком случае, позволить себе еще годика два пожить в Лондоне и окончательно насладиться жизнью холостяка. Девушки, выходящие замуж без состояния, сами знают, что им надо ждать. Лили сама уже сказала, что связанная помолвкой, она не торопится. Поэтому не было особенной надобности в немедленном исключении своего имени из списка членов клуба Себрайта. Так старался утешить себя Кросби, решившись, однако, в тот же вечер серьезно переговорить со сквайром о приданом Лили.

Но что думала Лили в это же самое время, в свою очередь, решившись немного приодеться перед скромным обедом в Малом доме?

– Я не умею ценить его привязанности, – говорила она себе, – решительно не умею. Я забываю, что для меня, собственно для меня, он должен отказаться от многого, а я, когда что-нибудь огорчает его, вместо утешения только раздражаю его.

Затем Лили обвиняла себя в том, что не любила его и вполнину, что она еще не показала ему, как искренно и как вполне его любила. На это она смотрела со своей точки зрения, считая, что как девица не должна позволять мужчине брать верх над собой до тех пор, пока обстоятельства не предоставят ему этого права, и точно так же она не должна скрывать своей любви, но давать ей полную свободу всей силой изливаться на мужчину, когда обстоятельства станут соответствующими. А между тем, когда наступило время для применения этой теории на практике, Лили сознавала, что не соблюдает своих же правил. Она без всякого умысла копила чувства впрок и даже притворялась немного равнодушной наперекор действительным своим чувствам. Так точно поступила она с ним и сегодня, при прощании не подала ему даже руки для пожатия, не бросила на него взгляда, в котором выражалась бы ее любовь, и вследствие этого Лили была крайне недовольна собой, даже сердилась на себя.

– Кажется, я заставлю его ненавидеть меня, – проговорила она вслух в присутствии Белл.

– Это было бы очень грустно, – сказала Белл. – Но я не вижу, чтобы это было так.

– Сделавшись невестой, Белл, ты стала бы обходиться со своим женихом гораздо лучше. Ты не позволила бы себе говорить ему многое, но если бы сказала что-нибудь, то, верно, в твоих словах отозвалась бы любовь. Я всегда говорила ему такие страшные вещи, за которые, право, следовало бы

отрезать язык.

– Я уверена, что все сказанное тобой было для него приятно.

– В самом деле? Нет, Белл, в этом я не уверена. Разумеется, он не станет бранить меня, это верно, но я вижу по его глазам, когда он доволен и когда недоволен.

Разговор этим кончился, Лили и Белл отправились к обеду.

Между тем в Большом доме три джентльмена встретились в столовой в отличном, по-видимому, расположении духа. Бернард Дейл был человек ровного темперамента, человек, который редко позволял какому-нибудь чувству, даже досаде, вмешиваться в его обычное обращение, который мог во всякое время являться за стол с улыбкой и встречаться с другом или недругом одинаково вежливо. Нельзя сказать, чтобы он был фальшивый человек. В спокойствии его поведения не прослеживалось ни малейшей фальши. Оно происходило от полного равнодушия, но это было равнодушие холодного характера, а не то, которое образовывается под влиянием особенного рода дисциплины. Сквайр знал, что до обеда он был не в духе, но, сделав себе выговор за это, вошел в столовую с любезным радушием хозяина дома.

– Я видел, что в вашем ягдташе²⁴ не совсем все плохо, – сказал он, обращаясь к Кросби. – И полагаю, что аппетит ваш так же хорош, как и ягдташ.

²⁴ Ягдташ – охотничья сумка.

Кросби улыбнулся, принудил себя быть любезным и сказал несколько комплиментов. Человек, намеревающийся через час или два принять какое-нибудь решительное дело, обыкновенно старается сдерживаться и при этом готов выслушивать всякий вздор. Кросби похвалил охоту сквайра, замолвил доброе словцо за Дингльса и посмеялся над собой по поводу своего недостатка в искусстве стрелять. Все были веселы, разумеется, не как свадебные колокола, но все же достаточно веселы для партии из трех джентльменов.

Решимость Кросби была неизменна. Как только старик дворецкий удалился и на столе осталось одно вино и десерт, он приступил к делу внезапно, без всяких околичностей. Сообразив все обстоятельства дела, он не считал за нужное дожидаться ухода Бернарда Дейла. Он рассчитывал, что в присутствии Бернарда ему легче будет выиграть сражение.

– Сквайр, – начал он. – Все более или менее близкие к мистеру Дейлу называли его просто сквайром, и Кросби счел за лучшее начать так, как будто между ними не было никакой неловкости. – Сквайр, я полагаю, вам должно быть понятно, что сейчас я озабочен предполагаемой женитьбой.

– Это весьма естественно, – отвечал сквайр.

– Ей-богу, сэръ, никакой мужчина не сделает подобной перемены в жизни без того, чтобы не подумать о ней.

– Разумеется, – сказал сквайр. – Я никогда не затевал женитьбы, но, несмотря на то, понимаю суть дела.

– Я считаю себя счастливейшим человеком в мире, найдя

такую девушку, как ваша племянница...

При этом сквайр поклонился, намереваясь заявить, что счастье в этом деле было на стороне Дейлов.

– Это я знаю, – продолжал Кросби. – В ней заключается все, что только можно требовать от благовоспитанной девушки.

– Она добрая девушка, – заметил Бернارد.

– Полагаю, что да, – сказал сквайр.

– Но мне кажется, – продолжал Кросби, сознавая, что для него наступила минута действовать решительно, говоря другими словами, что для него наступил момент броситься в омут головой, – мне кажется, что надо же сказать хоть несколько слов на счет средств, необходимых для ее приличного содержания.

И Кросби замолчал на несколько секунд, ожидая отзыва на свои слова со стороны сквайра. Но сквайр преспокойно сидел, пристально всматриваясь в пустой камин, и не сказал ни слова.

– Для обеспечения ей, – продолжал Кросби, – того комфорта, к которому она привыкла.

– Она не приучена к роскоши, – сказал сквайр, – ее мать, как вам, без сомнения, известно, женщина небогатая.

– Однако, живя здесь, Лили пользовалась благами как богатая особа, у нее есть лошадь для верховой езды и тому подобное.

– Не думаю, однако же, что она рассчитывает иметь ло-

шадь для прогулок в парке, – сказал сквайр с весьма заметной иронией.

– Я тоже так не думаю, – сказал Кросби.

– Здесь она иногда пользовалась одним из моих пони, но едва ли это может привести к странным прихотям, которые стоят денег. Я не думаю, чтобы в голове той или другой из них гнездились такие нелепые идеи. Этого быть не может, насколько я знаю.

– И ничего подобного не бывало, – сказал Берnard.

– Я не стану, впрочем, распространяться, сэр. – И Кросби, говоря это, старался сохранить свой обыкновенный голос и хладнокровие, но усиленный румянец обличал раздраженное состояние, в котором он находился. – Могу ли я вместе с женьбой ожидать какого-нибудь приращения дохода?

– Об этом я не говорил с моей невесткой, – отвечал сквайр. – Но полагаю, она не в состоянии сделать многое.

– Разумеется, от нее я не взял бы и шиллинга, – сказал Кросби.

– В таком случае ваш вопрос разрешается сам собой, – заметил сквайр.

Наступила пауза, в течение которой лицо Кросби все более багровело.

– Я вовсе не думал ссылаться на состояние мистрис Дейл, я ни под каким видом не хочу его расстраивать. Я только желал узнать, сэр, намерены ли вы сделать что-нибудь для вашей племянницы.

– Относительно денежного приданого? Вовсе ничего. Решительно ничего не намерен.

– Наконец, мне кажется, мы понимаем друг друга, – сказал Кросби.

– Я думал, что мы понимали друг друга с самого начала, – заметил сквайр. – Разве я обещал вам или делал когда-нибудь намек, что намерен обеспечить мою племянницу? Подал ли я когда-нибудь малейший повод на подобную надежду? Не знаю, что вы хотели сказать, употребив слово «наконец», одно разве только, что хотели оскорбить меня.

– Я хотел сказать истину, сэръ, я хотел сказать... что, видя отношения к вам ваших племянниц, я полагал, что вы поступите с ними обеими, как с родными дочерьми. Теперь я вижу свою ошибку, вот и все!

– Да, вы ошиблись, и для вашей ошибки нет никакого извинения.

– Со мной вместе ошибались и другие, – сказал Кросби, совсем забывая, что в разговоре не следовало ссылаться на постороннее мнение.

– Кто другие? – с гневом спросил сквайр и тотчас же приписал это проискам своей невестки.

– Я никого ни хочу вмешивать в это дело, – отвечал Кросби.

– Если кто-нибудь из моих родных вздумал сказать вам, что я намерен сделать для племянницы Лили более того, что уже сделано, тот не только лжет, но и показывает себя небла-

годарным. Я никого не уполномочивал делать обещаний в пользу моей племянницы.

– Никто и не делал этих обещаний. Это было только одно предположение, – сказал Кросби.

Кросби вовсе не знал и не догадывался, на кого именно сквайр направлял свой гнев, но он заметил, однако же, что хозяин дома был сердит. Рассудив, что не следует ссылаться на слова Бернарда Дейла, высказанные под влиянием дружбы, Кросби решил не упоминать ничьего имени, а Бернارد, слышавший весь разговор, понимал, в чем дело, и должен бы, кажется, помочь приятелю, но, с другой стороны, сознавая себя совершенно безгрешным в этом деле, не находил причины, почему должен испытать на себе гнев дяди.

– Не следовало даже и допускать подобного предположения, – сказал сквайр. – Никто не имел права составлять таких предположений. Еще раз повторяю, что я никого не уполномочивал давать вам повод к такому предположению. Я не буду больше говорить об этом, скажу только одно, чтобы вы поняли раз и навсегда, что я не считаю своей обязанностью дать племяннице моей Лилиане денежное приданое при ее замужестве. Надеюсь, что ваше предложение ей не было сделано под влиянием подобного ослепления.

– О, нет, конечно, – сказал Кросби.

– В таком случае, мне кажется, особенно дурного ничего еще не сделано. Мне очень жаль, что вам внушили ложные надежды, но я уверен, вы согласитесь теперь, что эти идеи

не были внушены вам мною.

– Я думаю, сэр, что вы не так меня поняли. Надежды мои были не очень большие, но, во всяком случае, я считал себя вправе узнать ваши намерения.

– Теперь они вам известны. Надеюсь, что для племянницы моей они не будут иметь особенного значения. Не думаю, чтобы ее в этом деле можно было бы в чем-то винить.

Кросби поспешил немедленно защитить Лили и потом, проявив больше замешательства, чем следовало ожидать от человека, так хорошо знакомого со светской жизнью, как Аполлон Бофортский, объяснил, что если Лили не имеет своего состояния, то при его собственных денежных обстоятельствах необходимо отложить свадьбу на некоторое время.

– Что касается меня, – сказал сквайр, – то мне не нравится, когда между помолвкой и свадьбой проходит много времени. Впрочем, я не имею ни малейшего права вмешиваться в это дело, до тех пор, конечно... – И мистер Дейл не досказал своей мысли.

– По-моему, лучше было бы безотлагательно назначить день свадьбы, не правда ли, Кросби? – спросил Берnard.

– Я поговорю об этом с мистрис Дейл.

– Если вы и она понимаете друг друга, – сказал сквайр, – то, разумеется, этого будет достаточно. А теперь не отправиться ли нам в гостиную или на чистый воздух – на лужайку?

В этот вечер Кросби, ложась спать, вполне сознавал, что,

вступив в столкновение со сквайром, не выиграл сражение.

Глава VIII. Этого быть не может

На другое утро, за завтраком, каждый из трех джентльменов в Большом доме получили по записке на розовой бумажке, приглашавшей их от имени мистрис Дейл на чашку чая в Малом доме в этот же самый день через неделю. В конце записочки, которую Лили написала к мистеру Кросби, было прибавлено: «Будут танцы на лужайке, если мы успеем устроить их. Вы, во всяком случае, должны прийти, все равно, будет ли у вас настроение или нет. Бернارد также. Постарайтесь всячески уговорить дядю пожаловать к нам». Джентльменов, сидевших за завтраком, эта записка привела в хорошее расположение духа. Она была показана сквайру, которого заставили наконец сказать, что, может, и он отправится на вечер мистрис Дейл.

Здесь я должен объясниться, что этот вечер предполагалось сделать для доставления удовольствия вовсе не мистеру Кросби, но бедному Джонни Имсу. Как бы поправить то неприятное дело? Вопрос этот во всей подробности рассматривался между мистрис Дейл и ее дочерью Белл, они пришли наконец к такому заключению, что непременно нужно пригласить Джонни на небольшой дружеский вечер, на котором он мог бы встретиться с Лили в кругу посторонних лиц. Таким образом можно было преодолеть его смущение. Как сказала миссис Дейл, нельзя, чтобы ему позволили держаться

подальше и оставаться незамеченным. «Когда лед треснет, он не будет возражать», – сказала Белл. Поэтому рано поутру в тот же день в Гествик отправлен был гонец, который возвратился с запиской от мистрис Имс, извещавшей, что она будет на вечер с сыном и дочерью. Они возьмут коляску и вернутся в Гествик в тот же вечер. Это было прибавлено по тому поводу, что мистрис Дейл в приглашении своем предлагала мистрис Имс и ночевать в ее доме.

До наступления вечера в Оллингтоне случилось другое замечательное событие, которое мы должны описать, чтобы познакомить читателя с чувствами различных гостей мистрис Дейл. Сквайр дал понять своему племяннику, что ему было бы желательно видеть его дело с племянницей Белл совершенно решенным, а так как взгляды Бернарда на вещи вполне согласовались со взглядами сквайра, то он решился безотлагательно исполнить желание дяди. Этот проект не был для него новостью. Бернард любил свою кухню настолько, сколько было совершенно достаточно для супружеских целей, и начинал думать, что женитьба – вещь недурная. Ему нельзя было бы жениться без денег, но эта женитьба представляла в полное его распоряжение доход без всяких судебных тяжб, без какого-либо вмешательства адвокатов, враждебных его интересам. Может, он нашел бы для себя что-нибудь лучше, но могло стать, что сделал бы что-нибудь хуже, и вдобавок он если не был влюблен, то, по крайней мере, любил свою кухню. Он очень спокойно рассматривал

Этот вопрос со всех сторон, составлял превосходные планы насчет образа жизни, который довелось бы ему вести, заранее располагался в одной из лондонских улиц в собственном доме и рассчитывал на четыре, на пять дней в неделю для собственных своих удовольствий, без малейшего участия в них Белл. В том, что он не проявлял пламенной любви к ней, не могло и не должно быть ни малейшего сомнения, но сама Белл не признавала этого факта. Кузен всегда ей нравился, но в последнее время он как-то особенно старался казаться любезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.